

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Малаховская-Пен Рисуйте треугольники кровью

Ирина Малаховская-Пен Кровавый треугольник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54032083

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-06570-3

Аннотация

С чего вы решили, что вампиры интересны только в подростковых драмах? Когда вампиры не должны ходить в школу, изображать людей и влюбляться в соседок по парте – всё гораздо интереснее. Мои кровососы взрослые и ответственные, а ещё они живут согласно своей природе хищников, а не изображают из себя героев. Однако без любви в этом мире никуда даже вампирам. И в книге есть настоящее чувство. А также страсти, интриги, преследования, драки и море крови. Приятного прочтения! Содержит нецензурную брань.

Ирина Малаховская-Пен

Кровавый треугольник

Эта книга написана с благодарностью:

Насте Балашовой за интерес, участие и поддержку,
и за то, что мы с ней не такие уж и разные;

Насте Продченко и Юлиане Ивановой
за добровольное согласие стать подопытными
читателями-тестерами в процессе написания;

Сане Андрееву за понимание, участие и помощь
в непростой жизненной ситуации;

моим детям

моему бывшему мужу, единственному, кто жив

моим друзьям

Вселенной за то, что я есть

Ноги ужасно устали. Вот просто УЖАСНО. Сутки беготни по этажам, палатам, процедуркам. Зато никто не умер. Чистая смена. Нет, Алисе наоборот было интересно, когда умирали. Именно затем она и пришла: привыкнуть к смерти. Никакой кровожадности. Просто понять, как это. Ну, раз уж это так обязательно. Сей факт просто убивал Алису. Как такое возможно? Никто не спросил её, хочет ли она прийти в этот мир. Её просто взяли и родили. Нет, Алисе очень нравилось тут. Все тридцать с небольшим лет, или сколько она

себя помнила, ей нравилось быть живым человеком и ходить по земле. Но вот принять тот факт, что однажды её не станет, Алиса не могла никак. Опять же, никто не спросит её мнения по этому поводу. Ещё и не предупредят скорее всего, как показывал её опыт. Нет, Алиса решительно не была готова к такому повороту событий. Понятно, что всё случится так или иначе. Но почему ОНИ все вокруг ходят такие спокойные? Им что, всё равно?!

Алиса лет с двадцати начала пытаться людей на тему отношения к смерти. Начала с родственников. Бабушке было около семидесяти, но никакие «нетактично» «жестоко» не смущали девушку.

– Бабушка, неужели ты не боишься смерти?

– Господь с тобой, Алиса! – бабушка замерла над сковородкой с блином, рука с лопаткой зависла в воздухе, не добравшись до плиты. – Зачем же об этом думать?

– А как можно об этом не думать?! Как вы все об этом не думаете? Ведь это ужас просто!

– Деточка, ты ведёшь себя, мягко говоря...

– Что? Нетактично? Некорректно? Грубо?

– Ну... просто если это уж так тебя волнует, может ты поделишься со своими подругами? Хотя я искренне не понимаю, зачем думать об этом в двадцать лет! Тьфу тебя, Алиска! Блин сгорел! – завопила бабушка.

– Ладно. Извини, бабуль. Что-то я правда...

Алиса обняла бабушку, расстроенную сожжением блина,

и убежала в свою комнату. Усовестившись, к ней она больше с подобными вопросами не подходила. Но расспросы продолжила. Не то, чтобы Алиса каждый день и с утра до ночи педалировала эту тему. Нет. Но периодически она подходила к родным и друзьям, и спрашивала. Как и почему они не боятся смерти. Некоторые напрягались, когда заходил разговор. Ну, боимся, мол. Но зачем думать об этом? Живи да живи себе. Вот этот вопросительный ответ «зачем об этом думать?» больше всего удивлял Алису. Как? Ну как не думать-то? Вот она закончила школу с золотой медалью, поступила в МГУ на экономический факультет. Старается. Пыхтит. На красный диплом рассчитывает. На престижную и высокооплачиваемую работу. А в голове картинка: лежит она в гробу, молодая и перспективная еще совсем недавно, а теперь совершенно мёртвая. И её красный диплом, и золотую медаль кладут в гроб вместе с ней. Б-р-р-р-р. Может быть, она экстрасенс, и её видения небеспочвенны? Нет, ну допустим она доживет до старости. Ещё до каких-нибудь премий и регалий. И тогда будет лежать в гробу старая, и туда вместе с ней сгрузят все её отличия. Премии и грамоты. Медали и дипломы. И денег мешок. Хотя, деньги можно оставить детям. У неё наверняка будут какие-то дети. Как у всех. Но всё существо Алисы было против того, чтобы выпускать в мир новых людей, чтобы они, не дай Бог, также мучились от непонимания: зачем всё это. Подруга Алисы, Таня, как и все вокруг, искренне недоумевала, зачем забивать голову мыс-

лями о смерти в золотые двадцать лет. Всё идет, как идёт. Все умрут. Так устроен мир. И мир, наверное, не бессмертен. Когда-то и его не станет.

– А я хочу быть бессмертной! – восклицала Алиса. – Хочу! Понимаешь?

– Нет. Не понимаю. Чего ты тут делать-то будешь? Вечность? Ты хотя бы её представляешь, вечность эту? Можешь охватить умом своим?

– Могу. Ты за меня не беспокойся.

– Тебе нужен укус вампира. – засмеялась Таня.

– Что? – замерла Алиса.

– Ты что? Не читала про вампиров?

– Нет... я как-то больше классику люблю читать.

– И фильмы не смотрела?

– Ну, может быть когда-то в детстве. Нет, я не идиотка. Я слышала про эти истории. У нас в школе девочки смотрели какие-то сериалы. Кажется, по Стивену Кингу. Да. Я читала пару его книг, но не про вампиров. А они покупали какие-то постеры, блокноты. Тетради с вампирами. Хохма, конечно. А что даёт укус вампира? Они же выпивают кровь. Убивают.

– Они могут обратить. И будешь бессмертной.

– Seriously? Да, хорошо фантазия у людей работает. Ты меня прямо заинтриговала. Надо почитать про вампиров.

– Того же Кинга и почитай. У него качественно написано, по крайней мере.

– Спасибо. Жаль только, что всё это сказки.

– Ну, да. С другой стороны, кто-то же взял откуда-то эту мысль. Что? Из воздуха?

– Да кто его знает.

– А, вот, слушай что я ещё читала в книге. Правда уже не помню в какой. Там была ведьма, она поддерживала в себе вечную жизнь магией.

– Тоже сказки. – поморщилась Алиса.

– Да вот не скажи. Магия точно существует. У моей бабушки в деревне история у соседей была, закачаешься. Жила семья, всё как у людей. Муж, жена, дети. А потом в деревню переехала женщина. И глянулся ей тот мужик. Что-то она там наколдовала, и он стал к ней ходить, как заговоренный.

– Да ладно!

– Вот и ладно. Я его знала. Хороший такой дядька. Дядя Слава. На лошадаках нас катал. Меня и своего Митьку. Веселый, всё шутил. А тут как в воду опущенный, говорят, стал. И всё туда идёт, к той тётке. А потом домой возвращается. Хоть на части разорвись. А жена его, тётя Оля, сказала: «хватит ходить, как междудворная корова. Решай, или туда, или сюда».

– А он? – Алиса села на краешек дивана, боясь дышать. Как всё-таки всякие глупости на людей действуют. Магически, ха-ха.

– А он повесился.

– Тьфу. Да ну тебя!

– Но магия-то была. Приворот, видать.

– Какой-то хреновый приворот. До гробовой доски.

– Видать та тётка не ожидала, что он так семью свою любит. Не рассчитала.

– Чего не рассчитала, Тань? Магические ингредиенты?

– Слушай, не хочешь – не верь. А я после этого точно знаю: что-то есть!

– И как твоё что-то мне поможет?

– Э-э-э... никак. Я просто к тому говорила, что магия есть. Может она и для вечной жизни есть, просто это слишком тайное знание.

– Что за корявое выражение «слишком тайное». Или тайное, или нет.

– Я не филолог, Алиса. Я психолог. И вообще человек из материального мира. Но после таких историй поневоле начинаешь задумываться, как мало мы знаем о том, что есть, а чего нет. Тебе так не кажется?

– Ничего мне не кажется. – угрюмо ответила Алиса. – Я просто умирать не хочу.

– О, Боже. Снова-здорово. Ну, хватит об этом! Поехали лучше к Стасику, он сегодня устраивает вечеринку. Выпьешь, забудешься. Давай-давай. Поехали.

– Что нам ещё остается? Поехали.

Семья, друзья и коллеги дружно пришли в неопиcуемый ужас, когда двадцативосьмилетняя Алиса объявила, что уходит в медицину. Поступила в мед. колледж, на бюджет, и все-

рьёз засела за учебники. На долгих тридцать шесть месяцев. Преподаватели тоже недоумевали, как к ним занесло девушку с красным дипломом экономического факультета МГУ, недавно получившую должность директора крупного филиала агентства недвижимости. Но Алисе не было никакого дела до общественного мнения. Был только один непростой момент: расставание с женихом. Свадьба намечалась на август, а в мае Алиса поделилась с Сергеем своими планами. Она думала, что у них любовь. Зря думала. Наивная. А почему, собственно, наивная? Почему два взрослых, состоявшихся человека – Сергей был директором по развитию в банке – не могут любить друг друга? А что они могут? Строить планы? Расписывать будущее? Как будто они знают что-то о будущем.

– Какой мед? На кого ты там собралась учиться? – спросил Серёжа, заметно напрягаясь.

– На медсестру.

– На кого?!

– Ты слышал.

– И сколько зарабатывают медсёстры?

– А при чём тут это? – в этом месте напряглась уже Алиса.

– Как при чём? Что это за работа вообще, медсестрой?

Горшки выносить?

– Горшки выносят санитарки.

– Да какая разница! Та же жопа, только вид с другого ракурса. Ты что? Тебе, может, отпуск нужен? Устала. Провет-

ришься, мозги на место встанут.

– Я уволилась.

– Что?! Что-о-о?

– Я не понимаю, что у тебя за реакция?

– А я не понимаю, что за бред ты тут несешь! – Сергей вскочил и забегал по спальне. – Ты спятила? Ну, конечно! Ты сошла с ума. Тут не отпуск нужен. Тут нужна специализированная клиника!

– Да что с тобой?! Мне кажется, это моё дело, кем работать. Нет?

– Да. – Сергей неожиданно успокоился. – Да, ты права. Это твоё дело. Вот только я собирался жениться на акуле ризертского бизнеса. А не на медсестре.

Алиса почувствовала, что пол уходит у неё из-под ног. Сергей был первым, кому она сказала о своих планах. Алиса считала, что они близки. Понимают друг друга. И вот вам здассти. Серёжа был готов понимать директора агентства. А медсестру он понимать не готов. Вот значит, как. Разве так бывает? Получается, бывает. Она даже не дошла в этом важном разговоре до объяснения, почему решила сменить профессию. Почему для неё это так важно. Алиса, само собой разумеется, говорила с Сергеем по поводу своих страхов. Он шутя успокаивал её, мол, ничего не бойся, проживём долгую и счастливую жизнь, а потом вместе состаримся, и умрём в один день. Вдвоём не так страшно. А теперь выясняется, что прожить долгую и счастливую жизнь он хотел не с ней, а с её

должностью? Хотел стареть с топ-менеджером, так что ли? Да, вот уж сюрприз-сюрприз.

– И как мне это понимать? – дрожащим голосом поинтересовалась Алиса.

– Если ты не шутишь... ты не шутишь?

– Не шучу.

– Может быть, ты передумаешь всё-таки?

Не веря своим ушам, Алиса сцепила зубы и отрицательно помотала головой. Серёга продолжил заколачивать гвозди в крышку её кошмара.

– Тогда ты сошла с ума. А жить с сумасшедшей не входит в мои планы. Я ухожу.

Вот так просто. Он уходит. Алисе хотелось кричать: «а как же чувства? Как же это «состаримся вместе и умрём в один день? Что это было? Как можно после таких обещаний просто уйти? Кто из них двоих более сумасшедший?». Она не стала кричать. Тем утром Сергей ушел на работу, а она в свой будущий колледж. Вечером он также просто, как объявил о своём уходе, собрал вещи и уехал. Куда? К кому? Алиса не знала. Сергей был родом из Кемерово. У него в Москве никого не было, кроме неё и нескольких друзей по институту и работе. У всех были свои семьи, свои дела. Весь день у Алисы теплилась надежда, что идти ему некуда. Он остынет и останется. Хотя, о чем это она? Сергей давно и хорошо зарабатывал. Снять, и даже купить квартиру для него не представляло никакой сложности. Но чтобы так... в один

день. Боялся передумать? Да, хотя какая разница.

Она позвонила Тане. Подруга сидела в декрете с малышом, но услышав подавленный голос Алисы, примчалась через полчаса. По телефону Алиса только и смогла пробормотать «Тань, мне так плохо, можешь приехать?». И вот теперь ей пришлось в своём жутком, разобранном состоянии, рассказывать всё в подробностях. Таня разлила вино по бокалам, заставила Алису выпить залпом. Вино пролилось в расколотую на части Алису, смягчило осколки, немного сгладило. И вылилось наружу слезами. Поток слёз.

– Поревы действительно, что ли. Я пока в себя приду.

– Да что такое! От чего?

– От чего? – усмехнулась Таня. – от твоих фокусов. Хотя, мне кажется тут подойдёт какое-то более крепкое словцо.

– Ты не филолог, Таня. Нет, не филолог. – сквозь слёзы улыбнулась Алиса.

– Можешь объяснить, что это за бзик такой, с медициной?

– Да это не бзик. Ну, хочу быть медиком.

– Медсестрой?

– На врача поздно уже учиться, Тань.

– Учиться никогда не поздно. Но я не об этом спрашиваю.

Я пытаюсь понять вообще. Зачем тебе это вообще?

– Я хочу видеть ЭТО. – шепнула Алиса.

– Что – это?

– Смерть. Хочу видеть, как они умирают. Привыкнуть.

Смириться. Понимаешь?

– Нет! – закричала вдруг Таня. – Нет, я не понимаю! Я не понимаю, черт тебя возьми! У тебя блестящее экономическое образование. Ты сделала карьеру, как на дрожжах. Двадцать восемь лет, директор агентства.

– Филиала...

– Неважно! Зарплата такая, что любой позавидует. Начиная ты с чего? С бухгалтера. Прошла все ступени. Все нюансы изучила, потому, что тебе всё надо. Ты не можешь спустя рукава. Ты же отличница у нас. Теперь ты на верхушке айсберга. Ну, почти на верхушке. И теперь ты всё бросишь, и пойдёшь убирать горшки за умирающими?

– Дались вам эти горшки! Я медсестрой пойду. Не буду я горшки носить. Уколы буду ставить.

– Умирающим?

– В том числе.

– Маразм какой-то... знаешь, можешь обижаться, но я понимаю Сергея.

– Понимаешь?

– Понимаю.

– Господи, в каком мире мы живём! То есть, на директоре жениться можно, а на медсестре нельзя, так что ли?

– Да почему он должен жениться на медсестре! – возопила Таня, выпивая одним махом вино из бокала. – Если знакомился он с перспективным руководителем.

– У меня к тебе два вопроса. Первый: почему ты орешь?

– Потому, что дома всё больше шепчу и на цыпочках хожу.

И ещё зла на тебя, дуру, не хватает. Вот и ору. А второй?

– А почему ты бухаешь? Ты же кормящая мать?

– Здравсти. Давно не виделись. Уже полгода, как нет.

– А с кем Савка?

– С мамой моей. Но ты мне зубы не заговаривай! Давай серьезно. Ты вот прям всё-всё решила?

– Решила.

– Отговаривать, зная тебя, можно даже не начинать?

– Точно.

– Вот ужас-то. Родителям сказала?

– Нет ещё. Серёге вот сказала. – Алиса развела руками, показывая бардак, оставшийся после сбора Серегой вещей. – Тебе сказала.

– М-да. Ну, что. Готовься.

– К чему?

– Понимания ты не найдёшь. Нигде. Ни у кого.

Таня оказалась права. Понимания она не нашла. Бабушка уже год не вставала после инсульта, ей было не до жизненно важных Таниных решений. Мать заметно огорчилась, но вслух протестовать не стала. Просто не разговаривала с Алисой полгода. А папа грустно сказал:

– Будешь бабушке уколы ставить.

– Буду. Выучусь только.

– Меня другое беспокоит. Я на внуков рассчитывал, пока молодой. А теперь сколько мне тех внуков ждать?

Алиса пожала плечами. Она не знала, сколько. Она совсем

ничего не знала и не понимала. Это ведь были её планы: свадьба, семья, дети. Получается, она сама всё разрушила? Нет! Видит Бог, не она. Всё разрушил чёртов Серегин снобизм. Директора ему подавай. Но одно Алиса знала точно, даже в таком потерянном состоянии: она хочет работать в больнице. Крыша над головой и деньги на первое время у неё были. И с полной самоотдачей, потому, что по-другому она не умела, Алиса окунулась в изучение новой профессии.

В медицинском колледже было интересно учиться. Правда девочки все молодые. Одна она тридцатилетняя почти. Поэтому подругами Алиса не обзавелась. Зато выучилась как следует, не отвлекаясь на тусовки. По традиции, с красным дипломом. Перед выпуском куратор предупредила Алису:

– Если нет связей – сразу на хорошее место не рассчитывай. Будешь младшей медицинской сестрой. Даже не смотря на твой красный диплом.

– Не волнуйтесь, Инга Юрьевна, мне не впервой карьеру делать. – усмехнулась Алиса.

– Да я вижу, ты девица не промах. Просто поздновато начинаешь. Ну, я в любом случае, желаю тебе удачи. Честно говоря, я всё думала, что ты опомнишься. Уйдёшь из колледжа. А ты упорная.

– Почему я должна была уйти? – изумилась Алиса.

– Ну, ладно. Неважно. Удачи тебе.

Удача, как ни странно, улыбнулась почти сразу. Алиса от-

кликнулась на горящую вакансию медсестры в онкоцентр. Отсутствие опыта не особо смутило старшую сестру. Как и возраст Алисы. Тридцать один год. Она только спросила:

– У нас ведь больница специфическая. Бывает, и умирают. Может, тебе поискать что-то более спокойное?

Умирают! Тут умирают! Идеально. Она даже не мечтала о такой удаче. Наконец-то она сможет посмотреть прямо в глаза своему страху. На расстоянии вытянутой руки.

– Нет-нет, не волнуйтесь. Я не боюсь. Я готова.

Алиса не обманывала, она действительно не боялась. Ничья смерть, кроме своей собственной, её не пугала нисколько. Год назад умерла бабушка. Лежала картонная в гробу. Совсем чужая. А Алиса думала только об одном: неужели действительно нет выхода? И ей тоже придется перестать дышать, стать оболочкой и лежать в деревянном ящике? Невыносимо! Эй, вечность! Ты где? Неужели тебя и правда нету? Так пусть смерть станет для неё привычным и обыденным делом. Может быть это хоть немного примирит её с приближением собственной смерти. А ведь она приближается. С каждой секундой.

Алиса скинула удобные больничные тапки. Ей предстояло сунуть свои уставшие ноги в туфли на каблуках. Ничего не поделаешь, привычка быть красивой. Хорошая привычка, наверное. Уже год Алиса работала в онкоцентре. Росли её обязанности, росла зарплата. Росло доверия руководства к ней, такой храброй и ответственной. Иногда умирали люди.

В основном, умирать они уезжали домой или в хоспис. Но иногда умирали и в больнице. Рак – болезнь непредсказуемая. Алиса реагировала всегда спокойно и правильно. Никаких лишних действий, никакой паники или истерики. Правда пока работа медсестрой не приблизила её к спокойствию в отношении собственной смерти ни на сантиметр. Но, может быть, со временем? Сегодня была хорошая смена. Хорошая, для всех, кроме Алисы. Никто не умер.

Иногда по пути домой она встречала Сергея с его новой девушкой. А может быть, и женой. Видимо он жил где-то рядом. Проходя по улице, прежде чем свернуть в свой двор, она видела машину бывшего, проезжающую мимо. Поначалу это было больно. Он очень быстро утешился. Неприлично быстро. Алисе казалось, что так не бывает, если любишь. Вот у неё-то болит сердце от этого расставания. А он? Ездит с важным видом мимо, в своей BMW, в которой они когда-то ездили за покупками, и за город. Везде ездили. А на её, Алисином, месте сидит блондинка с пухлыми губами и вздернутым носом. Так по-хозяйски, будто занимала это место всегда. В машине. В Серегоиной постели. В его жизни. Но это неправда! Это было её место! Боль потихоньку отступала, появлялись трезвые мысли. Значит не любил. Если так легко отказался, и так быстро заменил её на новую девушку. Как свитер передел. Эх, Серёжа-Серёжа... как обидно и странно, что ты оказался таким.

Они не разговаривали с тех пор, как он ушёл. Сергей с девушкой проезжали мимо, Алиса проходила своей дорогой. А в это утро он оказался один в своей машине, и зачем-то притормозил около неё. Алиса сделала вид, что не замечает его. Как шла, так и продолжила свой путь с суточной смены домой. Но Сергей вышел, окликнул её. Потом догнал и остановил. Схватил за руку. Пьяный что ли? Да нет, вроде за рулём Сергей никогда не пил.

– Что тебе?

– Зову-зову. Оглохла? Привет!

– Серёж, что тебе нужно?

– Алиса, я сказал привет.

– А я не хочу!

– Вот даже как... обижаешься?

– Не говори глупостей. Кто ты мне, чтобы обижаться на тебя? Чего ты хочешь?

– Хочу сказать тебе, что ты классно выглядишь. Передумала в больнице работать?

– Серёжа, я работаю в больнице. Так что, ты всё сделал правильно. Не суетись.

– Хм. Видимо, я жертва стереотипов.

– Видимо да.

– Как на личном фронте?

– Что за бестактные вопросы? И где твоя блондинка?

– Заметила... – Сергей рассмеялся. – Приболела. Дома оставил.

Алиса вздохнула. Станный народ, мужики. Чуть женщина приболела, уже надо им обязательно прилипнуть к другой. И неважно, что она бывшая. Поразительно просто.

– Я поняла, что я хорошо выгляжу, Сергей. Спасибо. Я пойду. Прощай.

– Погоди... может как-нибудь встретимся?

Нет. Это просто невозможно. Он ведёт себя так, как будто они старые добрые друзья. И это не он бросил её за пару месяцев до свадьбы. Продолжая мотать головой в глубочайшем недоумении, Алиса пошла своей дорогой, игнорируя Серегины приставания. А ведь она, оказывается, не перегорела. Нет, любви уже не было. Точно не было. А вот обида... Алиса смотрела на Серегу, и внутри было странное желание: вцепиться ему в шею, в плечи, в лицо, и разорвать на тысячу кусочков. Как он когда-то разбил её сердце. Неужели она никогда не отпустит его? Пора бы уже...

Лечь спать после суток сразу никогда не получалось. Возбуждение, которое накапливалось на работе, должно было утихнуть. Когда Алиса работала свою первую смену, у них на этаже чуть не умер мужчина. Ему стало плохо, он плакал. От страха, очевидно. Был вечер, время гораздо более спокойное, чем ночь перед рассветом, например. Но мужчине стало плохо именно вечером. Умирают в разное время суток. Его тогда спасли. Алиса помогала. Подавала аппаратуру, набирала шприцы, колола препараты. Приступ купировали, давление подняли, мужчина отключился, нагруженный успоко-

ительными. Владимир Борисович, дежуривший в тот вечер, вытер пот со лба, помог Алисе собрать всё, и проводил на выход из палаты. Хотя она чувствовала себя прекрасно, и ни в какой поддержке не нуждалась.

– Новенькая? – спросил Владимир Борисович, когда вышли в коридор.

– Первый день.

– Молодец. Не растерялась. Вообще ни одного вопроса к тебе. Обычно у нас людям требуется время, чтобы привыкнуть. Ты где раньше работала? В склифе, что ли?

– Да, нет же! – улыбнулась Алиса. – Я вообще новенькая в медицине.

– Ну ты даешь! – восхищенно протянул врач. – Ты тут на своем месте. Такие нам очень нужны. А я, наверное, никогда не привыкну...

– Почему?

– Да... – Владимир Борисович с досадой махнул рукой, и пошёл в ординаторскую.

Больного на следующий день перевели в хоспис. Борисыч – как его все звали – ходил мрачнее тучи. Потом у них была возможность поговорить на эту тему. На очередном дежурстве. Он объяснил Алисе свою досаду.

– Понимаешь, девочка, мы их пытаемся спасти, вылечить. Кодем что-то, капаем, облучаем. Кого-то даже спасаем. И многих. Но вот в таких конкретных случаях, когда уже медицина бессильна, а мы больного реанимируем...мы его дер-

жим тут! Вцепились и держим. Зачем? Агонию же только продляем! Не врачом я себя тогда чувствую, нет. Мучителем каким-то.

– Зря вы так! Я считаю, до последнего надо бороться. За каждого. И за каждую минуту.

– Ты молодец. Надеюсь, не сбежишь от нас слишком быстро.

– Я не собираюсь сбежать. – улыбнулась Алиса.

После первой своей смены Алиса не могла спать весь день. Уснула только ночью. Уговорила себя поспать. Смерть была так близко к пациенту! Какая она? Получается, совсем невидимая. Неощутимая. Дыхание смерти... всего лишь метафора. Алиса искренне участвовала в спасении того мужика, это была её работа, а она привыкла работать на совесть. Но если бы не спасли – увидела бы она хоть что-то? Почувствовала ЕЁ рядом? Так, в сильнейшем волнении, строя предположение за предположением, купаясь в своих фантазиях, утопая в них, она и провела тогда весь день. Прошел год, а волнение после суток так и не ушло. Правда, оно уже не занимало целый день, как в самом начале. Пара часов с книгой и кофе, и можно ложиться отсыпаться.

Сегодня Алиса достала первую попавшуюся книгу, чтобы почитать перед сном, и это оказалась книга про вампиров. Нет, книга была не из серии современных сопливых глупостей про вампиров. Написанных женщинами. Которые, наверное, спят и видят, как их укусит вампир. Чтобы превра-

тить их жизнь в одну сплошную жажду крови. А чтобы эта страсть не была так очевидна, женщины-писатели наделяли вампиров способностью влюбляться в живых девушек. Их вампиры не убивали своих девушек. Пили кровь животных. Казалось, ещё немного, и благотворительностью займутся. Ну и бред. Притом, что характерно, бред от начала и до конца. Мало того, что вампиры – это просто глупая выдумка. Так ещё и влюбленные вампиры... умереть не встать. Алису передернуло от последней мысли, она забралась под одеяло, взяла в одну руку чашку с кофе, в другую книгу Стивена Кинга, и не заметила, как уснула. Даже не помнила по пробуждению, что она успела прочитать, и когда убрала чашку на тумбочку. Чудеса. Ну, ладно. Впереди было еще почти два выходных дня. Ну, полтора. Можно начать читать с начала. Алиса очень быстро читала.

Выходные были гораздо более скучными, чем рабочие дни. По графику Алиса работала сутки, а двое отдыхала. После часа три или четыре после смены, она маялась от безделья. Сергей спрашивал про личную жизнь... личной жизни не было. Алисе казалось, что она больше не сможет никому поверить. Да, у неё теперь не было престижной руководящей работы. Но, была квартира. Вдруг она встретит кого-то, а ему просто нужна будет квартира? Алиса бы не удивилась. Она была красива, следила за собой, мужчины искали её общества. Но все ухаживания Алиса решительно отвергала.

К родителям ездить в выходные Алиса не любила. Если

надо было чем-то помочь – пожалуйста. Она с готовностью откликнулась. Но сидеть в гостях у предков, и чувствовать себя под их печальными взорами живым разочарованием, – это было выше её сил. Так и проводила она своё свободное время в домашних хлопотах и с книжечкой. Изредка выходила в кино. Пару раз в неделю в магазин. Как-то раз она поехала в гости к Татьяне, но так быстро утомилась от её возни с младенцем. Как будто возилась с ним сама. Нет, она правильно не хочет детей. Может быть, если захочет вдруг, съездит к Татьяне снова. А пока достаточно. Таня же не особо любила оставлять сына или мужа и ездить в гости. Ей нравилось держать дома всё под контролем. Ну, и на здоровье.

Моя посуду вечером, Алиса с грустью подумала, что все её друзья обзавелись семьями, кто-то достиг успехов в карьере. А она одна. На работе тоже все семейные. Да и не особо они были ей интересны. Врачи – другое дело. Но врачи – это совершенно другая ступенька больничной лестницы. Кроме нескольких теплых разговоров с Владимиром Борисовичем, ей не на что было рассчитывать. Как же так получилось, что она, такая интересная и умная, совсем одна? И не сама ли она обрекла себя на такое существование? А впереди что? Работа, дом, магазин, пенсия, старость и смерть? А ведь она так и не поняла, что представляет из себя этот процесс умирания. Хоть и повидала уже немало смертей. И не свыклась с мыслью, что она такой же кусок мяса, в котором бьётся моторчик, как и все. А потом он заглохнет. Нет, не свыклась

и не смирилась. Так что же это значит? Она сломала свою жизнь? Сама, своими руками? Притом, сломала совершенно бессмысленно? Зря? Как же страшно-то, Господи! Алиса сжала нож в руке, на ладони образовался порез. Она вскрикнула, бросила нож и промыла рану. Кровь не хотела останавливаться. Кровь! Она же еще не дочитала книгу. Книга хоть немного отвлечет её от реальности.

– Алиса, сходи к нач. меду с бумагами на подпись! – озадачила её старшая сестра. Был уже вечер.

– А разве он тут? – изумилась Алиса.

– Тут-тут. Видишь, я тоже тут. У нас проверка. Отнеси, пожалуйста.

– Конечно. Просто обычно Вы сами же...

– Да я на склад бегу, будь он неладен! Там что-то по наркотикам не сходится.

– Ого! Серьезно. Конечно, давайте, отнесу. На посту Люда посидит.

– Конечно, посидит. Куда она денется. – старшая интимно понизила голос. – Я бы её отправила, но сама понимаешь. Разве ей можно доверять...

– Понимаю. – кивнула Алиса, и пошла на второй этаж к нач. меду.

Когда она уже подходила к кабинету, ей показалось, что Игорь Викторович скрылся в конце коридора. Алиса приготовилась ждать под дверью, но на всякий случай потянула

ручку на себя. Вдруг обозналась, и нач. мед преспокойненько сидит в своем кабинете. Дверь оказалась открыта, а в кабинете было пусто. И ещё страшно... она всего пару раз была в этом кабинете, и всё было спокойно, а вот сейчас её вдруг обуял неконтролируемый ужас. Дойдя до середины помещения, Алиса встала, как вкопанная. Положить бумаги и выйти? Нет, выйти с бумагами. Нет, не выходить. Карусель из мыслей закрутилась в голове, и Алиса почувствовала головокружение. Следом скрутило живот. Испугавшись того, что с ней происходит, Алиса решила выйти в коридор и попробовать отдышаться. Сердце колотилось, как ненормальное. Да что с ней? Она умирает!? Алиса резко развернулась, готовая бежать, и обнаружила за спиной человека. Мужчину. Вот почему ей стало не по себе! Алиса с детства не выносила, если кто-то находился у неё за спиной. Но как он там оказался? Не было ни звука шагов, ни шороха. И почему проклятый страх продолжает держать её за горло.

– Игорь Викторович вышел. Вы же к нему? – голос у мужчины был глухим. Как из подземелья. От этого стало ещё страшнее.

– Да. Бумаги. На подпись. – выдавила Алиса. И потрясла бумагами, чтобы незнакомец точно поверил. Рук своих она при этом не чувствовала.

– Присядьте. Он сейчас вернется.

– Спасибо. – Алиса облизнула пересохшие губы. Даже сквозь сковывающий её ужас, она осознавала, как красив

этот мужчина. Только глаза странные. Было такое чувство, что они не двигались. Как будто, в них не было... жизни? Боже! Срочно бежать. Кто бы это ни был, Игорь Викторович не обрадуется, что медсестра точит лясы с его посетителем. – Я подожду в коридоре. Разрешите?

– Пожалуйста. – усмехнулся незнакомец, и дал ей пройти.

Откуда он взялся за её спиной? Когда Алиса входила в кабинет, там никого не было. Она вышла из кабинета и прикрыла за собой дверь. Ужас чуть отступил. Да, он был сконцентрирован именно в кабинете. Алиса отошла подальше и спряталась за угол. Зачем? Она сама пока не понимала. Но чувствовала, что действует верно. Из её укрытия был виден коридор, в котором скрылся Игорь Викторович. И дверь его кабинета. Да. Она подождет тут, и посмотрит, что будет дальше. Алиса вообще не была уверена, что нач. мед знает о своем странном госте. Он появился из ниоткуда. Хотя... дверь была открыта, логично предположить, что всё-таки знает. Она постоит тут, успокоится и понаблюдает. Заодно придёт в себя. Алису здорово напугал этот приступ всего сразу. Ей с трудом верилось, что она жива. Сердце потихоньку успокаивалось, голова больше не кружилась. Алиса ждала, стараясь не шевелиться и дышать как можно тише. Дурацкая ситуация. Она что, шпион? «Стой тихо!» приказал внутренний голос. Алиса подчинилась. Да и сил не было куда-то бежать. Вообще шевелиться не было сил.

Игорь Викторович появился из коридора с термоконтей-

нером в руке. Алиса напряглась. Зачем в кабинете нач. меда термokonтейнер? Это же не операционная. И не реанимация. Что за бред? И что можно в нём принести? Судя по тому, как нач. мед нёс контейнер, он не был пустым. Он что? Продает налево органы? Алиса пришла в неопиcуемый ужас, сменившийся возбуждением. Какая ей разница, что и куда продает нач. мед? В её жизни, кажется, что-то происходит. По крайней мере, она стала свидетелем чего-то. Чего-то отличного от уколов, таблеток, умирающих людей и кухни с тряпкой. Она дождетcя, когда выйдет тот человек. Алиса была уверена, что выйдет он не с пустыми руками. Ей очень хотелось подслушать, но она чувствовала, что это то, чего делать не надо. Как и заходить сейчас в кабинет.

Она была права. Мужчина вышел с большим пакетом. Алиса бы голову на отсечение дала, что в нём находится контейнер. Незнакомец тем временем потянул носом, усмехнулся, а в следующую секунду он уже стоял перед Алисой. Смотрел своими неподвижными глазами и молчал. Что касается Алисы, она просто не могла говорить от страха и неожиданности. Её не было видно от кабинета. Как?

– Что вы тут вынюхиваете, милая девушка? – спросил странный человек.

– Я жду.

– Меня?

– Нет. Игоря Викторовича.

– Почему за углом?

И тут Алиса внезапно расплакалась. Мужчина поморщился, и подал ей платок. Она стояла и ревела, с бумагами под мышкой, и платком в руке. И так ей было стыдно. Что даже страх прошёл.

– Простите. Простите меня. Я... мне стало любопытно. Вы необычный. И контейнер... это кровь?

– С чего вы взяли, что кровь?

– Я... ни с чего. Ни с чего! Я просто лягнула!

Ярослав смотрел на это создание, и думал, что ему делать. Лягнула она... нет, девка красивая. Убивать жаль. Искренне жаль. Ревёт опять же. Несчастливая, судя по всему. Нелюбимая малооплачиваемая работа, муж козёл. Что у них там ещё за проблемы нынче? Нет, тут её убивать точно нельзя. Потом уже не сунешься к Игорю, если понадобится. А понадобится может, не первый случай. Тут кровь чистая. Очищенная. А людская наполнена такими адскими химикатами. Что они едят? Это же невыносимо! Таблица Менделеева в одной баночке. Кто-то из семьи периодически травился этими глупыми животными, и приходилось лечиться очищенной кровью. Что же делать? Тащить девицу куда-то на виду у всех тоже не вариант. Но и оставлять в живых нельзя. Во-первых, она что-то подозревает. Вон, спряталась. Следит. Во-вторых, она, кажется, умная. Ярик поднял голову рыдающей красотки и заглянул в глаза. Да. Явно умная. Какой черт вообще занес её в медсестры? С таким интеллектом на лице.

– Как тебя зовут? – Ярик решил, что пора сворачиваться.

– А... Алиса. – икнула девушка.

– Пойдёшь со мной на свидание, Алиса?

– А вас как зовут?

– Ярослав.

– Красиво. И очень приятно, конечно. А когда?

– Да прямо сейчас.

– Нет. – твёрдо заявила красотка. – Сейчас я не могу. У меня дежурство до утра. Давайте завтра?

Ярику захотелось сказать, что она может больше не волноваться за свою работу. Мертвым работа ни к чему. Нет, красивая девка. Убивать, безусловно, жаль. Но пахнет вкусно. И умная, опять же. Ярик был гурман. Умных людей ему было выпивать приятнее, чем глупых. Как и красивых он предпочитал некрасивым. Но Ярику чертовски хотелось закончить всё прямо сейчас, а не растягивать ещё и на завтра. Прямо сейчас и здесь. Однако, Игоря подставлять не хотелось. Нельзя. Искать нового поставщика, когда всё так хорошо налажено. Ладно. Чёрт с ней. Пусть будет завтра. Сглотнув слюну, он сказал:

– Завтра жду тебя в кафе через дорогу от больницы. В восемь вечера.

И исчез. Алиса взяла себя рукой за колено. Колено ходило ходуном. Это было основанием думать, что она всё-таки не спит. И ЭТО был не человек. Человек не умеет бесшумно подбираться. Человек не умеет так быстро двигаться. Челю-

век не может быть так неправдоподобно красив. У человека не может быть таких неподвижных глаз. А кто тогда это был? И что было в контейнере? Завтра она пойдёт на свидание. И никому не расскажет о своем новом знакомом. А то её запишут в сумасшедшие. Как пить дать. А ещё она проведет наступающую ночь в поиске информации. Если она хоть что-то понимает в жизни и смерти – это было какое-то сверхсущество. Алиса не хотела даже думать ТО слово, не то, что проносить вслух. И это... существо позвало её на свидание не ради свидания, уж она не дура. Она чувствовала исходящую от него опасность, ощущала эту угрозу кожей. Но Ярослав не знает о том, что она не дура. И это хорошо. Он не будет готов к тому, что она подготовится к встрече. Пусть думает, что она глупышка и станет его лёгкой добычей. Пусть. Он так красив... даже жалко его разочаровывать. Но, ничего не поделаешь. Умирать она не готова. А может быть не ходить? Нет... это ничего не решит. Он придёт за ней сюда. Ведь он знает, где её искать. Да и как она может не пойти! А вдруг окажется, что всё правда? И можно получить вечную жизнь? У Алисы даже ладони вспотели. У Ярослава свои планы на это свидание, а у неё свои. Осталось дожить до завтра. Вытерев руки платком Ярослава, она сунула его в карман брюк и шагнула в направлении кабинета нач. меда. Документы всё-таки нужно было подписать.

Интернет мог смело претендовать на звание «хранилище

брёда». Всюду писали о каких-то травках, растущих в Африке, судя по незнакомым экзотичным названиям. Или о чесноке и боярышнике. Или про осиновый кол, но это точно было преждевременно. Интересно, почему кол именно осиновый? Не березовый? Не дубовый?

Самой реалистичной, если тут вообще уместно это слово, Алисе показалась информация о распятии и святой воде. Решив не тратить время на поиск неизвестных растений, и не мучить себя килограммом чеснока, она после смены купила пятилитровую бутылку с питьевой водой, вылила её, и направилась в церковь. За день она выпьет эти пять литров святой воды. Должна выпить. И если всё, так как ей показалось – Алиса, ты спятила, вампиров не существует! – в её крови вечером будет хорошая порция святой воды. Черт побери, да она просто рискует испариться. Как бы крылья не выросли. Нет, понятно, что большая часть воды выведется естественным путём. Но и останется немало. Достаточно для того, чтобы испортить кайф любому, кто захочет отведать её крови. Если сработает, если сработает... а почему, собственно, не должно? Если странный тип – вампир, а судя по всему это так и есть, святая вода в крови – то, что надо. Но это бред. Никаких вампиров нет. А кто же был это таинственный незнакомец? А его просто не было! Он показался Алисе. Приглючился, так сказать. И сегодня, когда она придет в кафе – она никого там не встретит. Так может быть и не ходить? Лечь спать, а вечером провести время, как обычно.

С книжечкой. Или за фильмом. В морозилке есть мороженое...

Однако, весь день, вместо того, чтобы отсыпаться после суток, Алиса пила святую воду и бегала в туалет. К вечеру она осилила все пять литров, и боялась описаться по дороге. Ничего. Зайдёт в какой-нибудь ресторанчик для бедных, в самом крайнем случае. Где не нужно ничего заказывать, чтобы посетить туалет. Как же её трясет! Ночью, когда в больнице умирала девушка, Настя, её так не трясло. Её не трясло вообще.

Настя училась в МГИМО, была молодая, красивая и весёлая. Полная планов. Она собиралась защищать диплом, когда вдруг начала быстро уставать. А потом падать в обморок. Тогда забили тревогу, перестав списывать всё на переутомление. У Насти оказалась тяжёлая форма рака. Злокачественная опухоль головного мозга с красивым названием. Врачи сразу развели руками. Честно предупредили родителей Насти, что лечения нет. Пробовать можно. Но результат всё равно будет печальный, просто немного позже. Родители увезли Настю в Германию. Спустя несколько месяцев привезли совсем больную. Деньги были потрачены, все способы испробованы, а Настя всё угасала. Борисыч тогда сказал Настиному отцу:

– Не вините себя ни в чём. Если бы вы оставили её у нас, было бы всё то же самое.

Видный мужик лет сорока на вид за эти несколько меся-

цев постарел, сгорбился, низко опустил голову. И всё время плакал. Настина мама держалась лучше, и выглядела по-прежнему блестяще, только глаза потухли. Вид шикарный от кончиков пальцев до кончиков волос, а глаза тусклые и пустые. Настя была их единственной дочерью. Они искренне не понимали, как такое возможно: их умный и целеустремленный ребенок сходит с дистанции в двух шагах практически от первой цели... почему? За что? Где справедливость.

Алиса в свободное время сидела по несколько минут у Насти. Девушка уже не могла читать, опухоль лишила её зрения. Папа принес ей аудиокниги. Слух у Насти пока ещё был. Принес не чушь какую-нибудь. Английскую и немецкую классику в оригинале. Философские многочасовые трактаты. Зачем ей это, недоумевала Алиса. Зачем теперь? Она искренне сочувствовала Насте. Спрашивала:

– Что для тебя сделать? Может принести что-то?

– Не волнуйся. Мне папа всё принёс.

– Посидеть с тобой?

– Посиди. Тебе не помешает «Сократ»?

– Не помешает. Я же сама пришла. – Алиса помолчала. –

Тебе страшно?

– Страшно? Почему? – тихим голосом удивилась Настя.

– Ну... ты знаешь почему.

– А... это потому, что я умру? Так все умрут.

– Ну... не в двадцать два.

– Это неважно, Алиса. У всех своя история. Просто моя

оказалась короткой. Так бывает. Бояться и злиться бессмысленно.

– А ты всегда делаешь только то, в чём есть смысл? И чувствуешь тоже?

– Стараюсь. – слабо улыбнулась Настя.

Алиса была восхищена её волей и мужеством. Вскоре Настя перестала слышать, потом говорить, потом потеряла связь с реальностью. Врачи поддерживали, как могли, её организм. И это было просто продление агонии. Правильно Владимир Борисович говорил. Алиса стояла у палаты, в которой врачи по просьбе родителей Насти не давали ей, уходящей, спокойно уйти, смотрела на неё сквозь мутное стекло двери и вопила внутри себя: «не хочу, не хочу, не хочу!!!! А придётся...». Как и всем. И её история закончится. Сегодня ночью на Алисином дежурстве Настя тихо ушла из нашего мира в какие-то неведомые дали. Тело её осталось лежать на больничной кровати безвольной восковой куклой. Всю свою волшебную волю Настя забрала с собой, куда бы она не отправилась.

Ярослав мог стать билетом Алисы в вечную жизнь в нашем мире. Три пункта должны были совпасть. Первый: он должен был оказаться тем, за кого она его приняла. Второй: он не должен был успеть убить её, просто свернув шею. Идеально было бы просто поговорить, и тогда Алиса убедила бы его. Но, на это она особо не рассчитывала. И третий пункт:

это всё должно было подтвердиться. Сверхъестественное существо, вечная жизнь, их встреча в принципе. Это всё должно быть правдой, а не её болезненным глюком. Алиса оделась и решительно отправилась на свидание.

Короче всего было пройти переулком. На улице стемнело. Внутренний голос советовал обойти дом с другой стороны, по людному тротуару. Но зря что ли Алиса пила весь день святую воду так, что чуть не лопнули желудок и мочевого пузыря? Так и вышло: не зря. Когда она проходила по переулку, невидимая сила швырнула её к стене дома, и шею будто обожгло огнём. Так вот как это бывает... укус вампира. Интересно, этого хватит, чтобы ей обратиться? Или нужно что-то еще? Жжение в шее внезапно прекратилось. Всё произошло очень быстро, Алиса не успела испугаться. Она зажала рану на шее платком и обернулась на странные булькающие звуки, доставая телефон. Посветила. Ярослав явился за ней сам. Это было приятно. Был момент, когда она побоялась, что он пришлёт кого-то вовсе незнакомого. Или он вампир-одиночка? Судя по скорости, с которой он напал на неё, галлюцинацией Ярослав не являлся. То есть, выводы Алисы на его счёт не были бредом. Если вообще все происходящее не один длинный сон! Сейчас Ярослав стоял на коленях, одной рукой держась за тротуар, а второй – за своё горло. Ему было очень плохо. Не подвела водичка. Алиса быстро вызвала такси. Слава Богу, таксистов в Москве теперь больше, чем пассажиров. Когда водитель подъехал, она просто попроси-

ла его помочь погрузить загулявшего мужа в машину. Ярик не сопротивлялся, слишком плохо ему было. Завести его к Алисе домой шофер тоже помог за дополнительную плату без лишних вопросов.

Алиса притащила Ярослава на диван, предусмотрительно выдвинув его на середину комнаты. По кругу она расставила свечи, и приготовилась ждать, с литровой бутылкой святой воды в одной руке и распятием в другой. Самое страшное во всем этом было, что Ярослав мог так разозлиться, что она сейчас на волосок от смерти. Он просто оторвет голову, когда придет в себя. Интересно, кто покровительствует вампирам? Сейчас бы она помолилась их вампирскому Богу, чтобы дал ей несколько минут. Всего несколько минут. Ах, да. Самое главное-то она и забыла! Алиса достала из холодильника пакет с донорской кровью. Хлеб-соль, как говорится. Интересно, долго он собирается то стонать и тяжело дышать, а то и лежать совсем без движения? Алиса боялась подходить и проверять его. А кровь в пакете могла испортиться. Ну, ладно. Это не так страшно. У неё есть ещё, она подготовилась. Рисковала, но кровь добыла. Интересно другое: вампиры дышат? Шло время, ночь истекала. Наконец, Ярослав зашевелился. О, Господи! Пожалуйста, только пусть не убивает её. Что она наделала? Успокойся, Алиса. Сохраняй достоинство. Просто твоя история будет короткой. Сама дура.

– Чем ты меня? Чем?..

– Святой водой. Ничего страшного. Пройдёт.

– Ты что? Капельницу со святой водой себе ставила?

– Нет. Пила.

– Весь день, поди?

– Ну, да...

– Идиотка... вторую такую идиотку поискать еще. Медсестра ещё. Капельницей быстрее.

– Ярослав, что я могу сделать, чтобы вам полегчало?

Он жестом показал на пакет. Алиса быстро передала ему пакет, обмирая от страха. А вдруг предлог? Сам как набросится? Да, нет. Кажется, у него сейчас нет сил набрасываться. Боже мой! Зачем она дала ему кровь! Сначала надо было поговорить. Сейчас ему станет лучше, и ей хана!

– Да не трясись ты! Сердце на весь дом бухает. Я тебя не буду убивать. Пока.

– Да? – повеселела Алиса. – А почему?

– Я же говорю. Таких поискать еще. Нарочно не найдёшь.

– Каких – таких? Идиотов? – Алиса секунду подумала. –

Вы не будете меня убивать, потому, что во мне святая вода.

– И как она помешает мне просто сломать тебе шею? – Ярослав улегся поудобнее. – Но вообще я оценил. Креативность твою.

– Правда?

– Правда. Не ожидал. За мои семьдесят пять лет жизни вампира мне приходилось убирать свидетелей. Святой водой никто накачаться не догадался. Да ещё и таким тупым способом.

– Главное, сработало.

– Зачем? Ты со мной поговорить о чём-то хочешь?

– Да.

– Нет!

Алиса опешила.

– Простите? Что именно – нет?

– Нет. Это ответ на твой вопрос. Или ты думаешь, я не понимаю ту, единственную возможную, причину, по которой ты всё так спланировала? Тупо, но тщательно. Водички святой надулась, свечками меня окружила. С распятием сидишь. Страшно тебе? Не бойся. Ты правда уникальная. Для человека. Да и красивая. Живи.

– Вас уже просили о таком? – нахмурилась Алиса.

– Много раз. Но всё было проще.

– В смысле?

– Кусаешь человека, а он успеваешь крикнуть: погоди, не убивай, обрати. Тоже хочу.

– Серьезно? Успеваешь?

– Конечно. Я пью не торопясь. Успеваешь.

– И вы обратили кого-нибудь.

– Нет.

– Никогда?!

– Напомни, как тебя зовут?

– Смешно...

– Ладно. Фокус не удался. Я помню, само собой. Алиса, я повторяю, я вампир всего семьдесят пять лет. Ну, грубо го-

вора. Может чуть больше. Потом ты просто перестаешь считать. Иногда они действительно успевают. Высказать свою последнюю просьбу. Я ни разу её не выполнил.

– Да почему!

– Они мне были не нужны.

– Но я...

– И ты не нужна.

Алисе вдруг стало обидно. Да, он симпатичный, этот Ярослав. Но она ничего такого и не думала... не нужна она ему, смотрите на него. Вообще, она ещё ого-го! И фигуру сохранила, и за лицом следит. И в спортзал иногда ходит от скуки. Для своих тридцати двух лет она ещё очень даже ничего. Да что он себе вообразил, этот мужик?

– С чего ты взял, что ты мне нужен? – резко перешла на «ты» Алиса. – Я не навязываюсь. Буду сама по себе.

Ярослав встал. Кровь сделала своё дело. Он чувствовал себя значительно лучше. Алиса напряглась. Наверное, не стоило ему грубить? Но Ярик вполне спокойно и миролюбиво подошёл к Алисе и положил руку ей на плечо:

– Девочка, это огромная ответственность! Когда обращаешь кого-то – ты не можешь просто отпустить его пастись на свободе. Он привлечет слишком много внимания к себе. Просто от неопытности, даже не со зла. А у меня – увы – нет ни времени, ни возможности тобой заниматься. – он отошел. – И отложи ты своё оружие, сказал же: не трону.

Алиса положила на стол распятие и поставила воду.

– Чем я привлеку внимание? Я могу пить кровь на работе. Донорскую.

Ярослав расхохотался так, что у неё в буфете загрохотала посуда. Алисе стало неловко перед соседями. Что они подумают? Ярик посмотрел на часы. Подошёл к окну, точнее подлетел. И начал сдвигать шторы. Наконец, добился того, чтобы окна были плотно занавешены. Тогда вернулся к дивану, и уселся поудобнее.

– Придется тебе терпеть меня весь день. Надо расставить все точки над «и», да и по свету я не передвигаюсь. А ты думаешь, станешь вампиром и продолжишь ходить на работу. Смешно! Кстати... раз я всё равно не выйду отсюда до вечера, почему бы нам не заняться чем-нибудь, кроме болтовни?

Как это произошло, Алиса вряд ли смогла бы объяснить. Просто вдруг она оказалась лежащей на диване, а сверху Ярослав. Он сжимал её плечи и спину железной хваткой, и целовал в губы так, что у неё начисто отключилось сознание. Кроме огненной страсти внутри и холодного прикосновения к коже снаружи не осталось ничего: ни единой мысли, ни единой ноты вокруг. Тишина и пустота. И сумасшедший секс. Когда Алиса немного пришла в себя после всего, она будто раскололась на две половины. Одна половина вопила: «что ты натворила?! Непонятно с кем! Да ты ему даже не нужна!», тогда как второй было совершенно наплевать на всё. Сытое сонное равнодушие... Алиса попробовала вспомнить, о чём они говорили? А, да. Про солнечный свет.

– По свету... нет? Никак?

– Нет. Никак. Никогда. Если станешь вампиром – ты его даже не увидишь больше. Солнечный свет сжигает кожу, и вампир умирает от ожогов. Тебе хочется так жить? Выползать только в темноту? В ночь? А все дни сидеть в квартире, за плотными шторами. Но и это вряд ли возможно. Тебе нельзя будет оставаться ни тут, ни на работе. Особенно на работе.

– Почему?

– Есть еще кровь? – спросил Ярослав, потягиваясь. Он был хорош не только лицом. Его обнаженное тело тоже было великолепно. Вампирская сага какая-то, сюр. Алиса встряхнулась.

– Да. Есть.

– Давай. – Алиса принесла ему пакет. Он с удовольствием присосался к трубке. – На твоей работе бывают кровотечения? У пациентов? Я уже молчу про то, что ты колешь их иглами, берешь кровь на анализы. Это больница. Даже если ты научишься себя контролировать вообще, вид крови поблизости всё равно сведет тебя с ума.

– Это нечестно. – Алиса вдруг горько разрыдалась.

– На, держи. – Ярик протягивал ей платок.

– Сколько у тебя их?

– Я просто всегда ношу с собой один. Чтобы вытереть рот после еды. Разве люди не делают то же самое?

– Чего ты важничаешь? Как будто не был человеком.

– Это быстро забывается. – Ярослав замолчал. Посмотрел внимательно на плачущую Алису. – Так что ты придумала? Зачем тебе быть вампиром?

– Я не хочу умирать.

– Но мы мертвы! Я мертв. Послушай пульс, сестра? – он протягивал ей руку. – Этому-то тебя хоть научили в училище? Я не живой человек. Ты говоришь какую-то чушь... не хочешь умирать, но просишь сделать тебя ходячим трупом.

– Живым трупом.

– Да во мне нет жизни! Вся моя жизнь – это кровь. Ты встречала наркоманов?

– Один раз. У нас умирал парень от рака легких. Он был в прошлом наркоманом. Они чем-то таким кололись, что разрушает легкие. У него дошло до рака. У родителей были деньги. Когда пациентам оплачивают пребывание, они лежат у нас до конца. Кроме него я не была знакома с такими... людьми.

– Чего он хотел перед смертью? Он ведь умер, да?

– Да. – выдавила Алиса.

– Так что? Было у него желание перед смертью?

– Да. Он просил уколиться.

– Вот это и будет твоя жизнь. Последнее желание, растянутое во времени. Всегда одно. Только одно. Кровь. И никогда ты не будешь сыта, даже если перережешь целый город. Это хуже любого наркотика. И знаешь почему? С наркотика можно слезть. А с крови – никогда. Вечная жизнь в аду. Хо-

чется такой вечной жизни?

– Но почему так? Я думала, что вампиры просто живут... просто занимаются своими делами. А вместо еды – кровь. Люди же не хотят есть сутками.

– А вампиры хотят. Я не вгрызаюсь тебе в горло сейчас только потому, что в тебе эта гадость.

– Ужас. Однако, хорошо говорить, будучи бессмертным... ты бессмертный?

– Алиса, это был не мой выбор. Меня обратили, не спрашивая.

– Кто?

– Моя жена.

– Ты женат?! – отшатнулась Алиса. Опомнилась, что называется.

– Ну, в ЗАГС мы не ходили, если ты об этом. Но мы вместе уже семьдесят пять лет.

– А сколько тебе лет? В каком возрасте она тебя обратила?

– Мне было тридцать три года.

– Самое время что-то менять. – усмехнулась Алиса.

– Не богохульствуй.

– А сколько лет твоей жене?

– Неважно. Тебя это не должно касаться.

– Ну, конечно, нет. – горько съехидничала Алиса. А в кармане у Ярослава завибрировал телефон. Он молниеносно выхватил трубку, включил громкую и прижал палец к губам.

– Да, дорогая.

– Ты жив?! Я тут с ума схожу. Ты не пришел до рассвета.

В чем дело?

– А уже рассвет?

– Ты что? Издеваешься? – женский голос в трубке смолк. –

У тебя там что? Кто-то дышит?

Алиса попробовала задержать дыхание, Ярослав улыбался. Издевается что ли? Еще не хватало ей ревнивой вампирской жены.

– Дышит. Собака.

– Ты меня за дуру держишь? Где ты? Ты перешел на кровь собак?

– Женя, милая, не сердись! Так получилось, я тут застрял немного. Теперь до вечера. Вечером сразу приеду, как только стемнеет.

– Кто. Там. Дышит! – металлическим голосом произнесла вампирша на другом конце провода.

– И я тебя целую. – усмехнулся Ярик, и отключил аппарат. – Люблю повеселиться.

– По-твоему, это весело?

– А по-твоему нет? Ладно, давай поспим. Отключи свой телефон тоже.

– Мне никто не звонит.

– М-м-м. Это отлично. – пробормотал Ярослав, заключая Алису в железное кольцо рук и проваливаясь в сон.

Она лежала, как оплеванная. Ладно, он трахнул её, будучи женатым. Ладно, потом додумался сообщить о том, что

несвободен. Но для чего был весь этот цирк с громкой связью? Хотелось плакать, но спать хотелось больше. Когда она спала? Перед сменой, а потом как-то не довелось. Последняя мысль Алисы перед сном была, что она очередной раз убедилась: все мужики – козлы. Ну, то есть, абсолютно все. Даже мертвые.

Алиса рассматривала следы клыков на своей шее. Утром на работу. И как быть? Заклеить? Забинтовать? Намотать шарфик? Нет, всё глупости какие-то. О! Водолазка! Она наденет водолазку с высоким, до подбородка, воротником. Конечно, это не приветствуется. Никакая одежда не должна выглядывать из-под формы медсестры. Но Алиса надеялась, что её личные качества и профессионализм компенсируют это незначительное нарушение. Не дисциплины, всего лишь дресс-кода. Она наплетет что-нибудь про фурункул, например. А к следующей смене будет видно: может быть всё и затянется.

Дырки были небольшие, ровные, аккуратные. Они уже покрылись корочкой. Вообще, ничего хорошего, если вдуматься. Он прокусил ей артерию. А если вампир до неё кусал кого-то спидозного? Чертов вампир! Одни неприятности от него. Укусил. Отказался обращать её. Так ещё и надругался. Хотя... надругался, надо сказать, незабываемо... Сколько в её жизни было мужчин? Немного, но и не один. Если начинать считать со старших классов, наберётся пять чело-

век. И страсть была. И даже любовь, та, которая позволяет тебе в интимные моменты растворяться в возлюбленном. Но она и предположить не могла, что секс может быть таким... острым, ярким, вкусным. Волнующим и потрясающим тебя до основания. Теперь он ушел. А ей, Алисе, что остаётся? Разглядывать следы на шее, да вздрагивать от воспоминаний о его прикосновениях. То и дело память услужливо возвращала Алису в момент близости с Яриком, и тут же начинало ныть внизу живота, а по телу пробегала волна мурашек. Б-р-р-р. Что такое? Ведь он даже не живой! Он сам сказал: я не живой. Мое сердце не бьется. А она вспоминает о сексе с ним, как о самом прекрасном событии в своей личной жизни. Ну и ну. Уж не сошла ли она с ума? Да так сошла, что кажется начисто забыла о своей главной задаче. По пути к которой она и притащила к себе домой вампира: о поиске бессмертия.

А самое позорное, что после всего она не удержалась и полезла целовать его на прощание. Какая курица, Боже мой. Ярослав на поцелуй ответил. Потом оторвал её от пола, как пушинку, с усмешкой посмотрел в глаза и интимно прошептал:

– Повезло же тебе, что ты напилась святой воды!

Да почему повезло-то? Она умная просто. Умная, молодая, красивая. Живая. Алиса бы все это ему сказала, да только понятно же, что это ничего не изменит. Будто он сам не видит, какая она. А ушёл к своей неживой жене. Скотство!

Будь ты проклят! Хотя... если подумать, он, наверное, и так проклят. Может и прав он, что так серьезно относится к обращению? Да, но... вечная жизнь?

Ярослав по пути к жене перекусил каким-то мечтающим под рэп в наушниках юношей. Когда он заходил домой, было очевидно кто и в какой позе его встретит. Ну, конечно. Женя стояла посреди комнаты, подперев руками стройные бока, глаза налились кровью. Того и гляди голову отгрызёт.

– И что?

– С кем ты был?!

– Ого. Вопрос звучит вот так, значит. Не где, а с кем?

– Я отсюда чувствую её вонь! Надеюсь, эта тварь мертва?

– Конечно. Можешь не сомневаться.

– Какого черта нужно вообще где-то спать, кроме дома?

– Прости. Возникли сложности. По свету я бы не добрался, ты же понимаешь.

– Понимаю. Но в остальном...

– Милая, в остальном ты себе нафантазировала. Поверь.

– А я не верю!

– Даже если не веришь, я не вижу проблемы. У нас свободные отношения. Помнишь?

– Это очень странно. Для вампиров просто аномалия какая-то. Ты же знаешь, как крепки наши семьи. Как мы верны.

Ярослав подошёл к жене. Взял её руку, положил себе на грудь. Прижал. Даже глаза закрыл. Здесь его крепость. Эта женщина – его дом. Страсть, любовь – сказки, придуманные

людьми. Семья – вот что важно.

– Милая, я бесконечно верен тебе. В душе. Бесконечно!
Ты же знаешь это?

Женя вздохнула. Конечно, она знала. Если даже он ко-го-то трахнул... ну, что же. Все разные.

– А где все наши? – спросил Ярослав.

– На охоте. Где же ещё.

– Ну зачем. – поморщился он. – Есть кровь в пакетах, я принес много. Зачем же снова ходить и собирать всякую за-разу?!

– Ярик, ну мы должны как-то адаптироваться к этой пи-ще!

– Ну, не знаю. По-моему, это невозможно. – он помол-чал, раздумывая о лёгком чувстве вины, которое покусывало его. – Пойдём, погуляем?

– Погуляем?

– Ну, да. Можем сходить в кино. В ресторан. Просто по-шататься по улицам. Никого не будем есть, просто насладим-ся свежим воздухом и друг другом. Как тебе? Привлекает?

– Немного неожиданно... но я согласна, конечно. Идем!

Она любила этого мужчину. Ярослав был для неё всем: мужем, братом, другом. Он был её детищем. Именно она создала его, когда он умирал, раненый, валяясь на поле боя, забытый своими. Но любовь Ярослава, и его благодарность, всегда была омрачена легким недовольством. Едва пережив перевоплощение в вампира, он заявил ей, что не хотел такой

жизни. И все последующие семьдесят с хвостом лет она будто была перед ним виновата, что обрекла его на существование нежити. Женя и сама не знала, что её толкнуло тогда совершить ритуал, вместо того, чтобы быстро выпить кровь и облегчить страдания умирающего. Она и пришла на запах крови. А там увидела его. Раненого осколком в грудь, мечущегося в беспомощности. Посмотрела в его красивое лицо солдата, чья судьба была частью неизвестным в общей могиле. И вот уже рука сама потянулась за ножом. Женя разрешила руку себе, потом красавчику-солдату. Смешала их кровь и произнесла заклинание. Так она обрела мужа, но потеряла покой. Характер Ярослава оставлял желать лучшего. Она и негодовала, и дралась с ним. И терпела. И взывала к нему. Но любила, а потому прощала и забывала всё.

Зато её муж заботился о ней, и всей их немногочисленной приобретенной семье: дочери Оксане и её парне Андрее. Правда, часто ворчал. Говорил, что они уже выполнили свою функцию родителей: обратили, жить научили. Теперь пора и отпустить детишек на все четыре стороны. А с другой стороны, как их отпустишь? Напьются вечно каких-то торчков, потом болеют. Одно слово: дети.

– Женя, а как у нас с деньгами?

– Почему ты спрашиваешь? – Женино хорошее настроение начало таять, как снег. Погулять он с ней хочет, как же!

– Ну, как почему! Если деньги кончатся – нужно будет зайти куда-нибудь за ними.

– Я так и знала! Я так и думала, что ты всё испортишь... ненавижу тебя! – секунду Женя раздумывала, сесть ей и заплакать, или выразить свои эмоции более подходящим способом. Ярость взяла верх. Она налетела, как вихрь, и вцепилась руками Ярославу в голову, намереваясь свернуть шею. Он схватил Женю за руки и заломал их прежде, чем она успела. Они кубарем прокатились по комнате, после чего Ярослав скрутил жену и прижал к стене:

– Что на тебя нашло, идиотка? Почему ты позволяешь себе кидаться на меня?

– Ты всегда всё портишь! Ненавижу тебя. Гулять пошли, говоришь? И тут же придумываешь какие-то дела. Тебе неинтересно просто со мной гулять. Тебе интересно грабить, убивать, кормиться людишками, строить из себя заботливого папашу семейства. Отпусти меня. Убью!

– Как интересно! Чем?

– Я клянусь, я убью тебя! Я лично выточу кол из осины и проткну тебе сердце.

– Успокойся! Хорошо, что мы снимаем подвал! А то к нам каждый день ездила бы полиция.

– А мне плевать! Плевать! Я всё равно убью тебя! Ты изменяешь мне. Так еще и извиниться как следует не можешь. – и тут слёзы наконец хлынули из глаз Жени, и она горько зарыдала. Ярослав ослабил хватку, прижал её к себе и начал успокаивать. Потом поцеловал её. В мокрые несоленые щеки. У вампиров не функционирует как положено щи-

товидная железа, их слёзы безвкусны. Ярослав потянулся к губам, но Женя отвернулась. Вытерла лицо и строго спросила:

– Мы идём ПРОСТО гулять?

– А ты хочешь?

– Идём, или нет?

– Конечно, дорогая. Если ты хочешь – мы идём. – Женя смотрела с недоверием. – Просто! Гулять!

– Отлично! Сейчас переоденусь. Футболка мокрая.

Ярослав задумчиво смотрел на крышку холодильника, в котором хранились запасы крови. На нервной почве ему всегда хотелось есть. Хоть он и поужинал студентом, или кем был этот бедолага. Ярик за свою недолгую вампирскую жизнь научился замечать следы. Парня найдут с перерезанным горлом. Никто не найдёт на нём следы клыков, да и искать не будут. Просто очередной висяк в полиции. Ярику вдруг впервые с 1943 года подумалось: почему они никогда не воспринимают людскую жизнь, как нечто ценное? Как какую-то важную единицу измерения? А ведь у этого паренька, скорее всего, есть мать. И она будет ждать и скучать. А потом найдут тело, и она будет страдать. Всю оставшуюся жизнь. Его мать страдала, он знал точно. Любопытство вынудило его понаблюдать издали, как живёт его мать после войны. Про жену и сына он даже не вспоминал ни разу, а вот по поводу матери проявил интерес. Мать жила плохо. Болела. Хранила его фото на серванте. Ночами плакала. Ярослав не

смог закончить её страдания, и она мучилась до самой смерти. А прожила она долго. И только в 1982м году тихо умерла. Что шевельнулось в нём тогда, что он не сожрал свою мать? Ничего же и не шевелилось. Просто стереотипы сработали. Найти бы мать этого бедолаги, избавить её от страданий. Смерть – благо? Избавление? Ярослав открыл крышку холодильника, потом закрыл. И так несколько раз. Вышла Женя, готовая гулять. Он повернулся к ней.

– Ты никогда ещё не говорила, что убьешь меня... меня это задело. Что, правда смогла бы?

– Нет! Конечно нет, ты что. Я же просто была в бешенстве. Я никогда тебя не убью, это бред. Ну ты что?!

– Бред, говоришь? Может быть, ты оказала бы мне услугу...

– Начинается!

– Закончилось уже! Идем гулять.

Алиса ходила из угла в угол по комнате. Был очередной выходной. Бессмысленный и пустой, как и два предыдущих. Её состояние сейчас было близким к помешательству. Алисе жизненно необходима была поддержка! Но где её взять? Кому ты можешь рассказать: так мол и так, встретила вампира, переспала с ним. Кому вообще можно такое доверить? Что-бы тебя не сдали в психбольницу. Тане? Да, ну. Бред! Помимо всего прочего, вдруг он за ней следит? И тогда Алиса просто подвергнет подругу опасности. Ей перегрызут глотку

где-нибудь в переулке. Вот и всё! Но и молчать она не могла. Алиса знала свою лучшую подругу много лет. И знала, что Таня умеет хранить тайны. И если просто нагрянуть к ней без предупреждения, и рассказать всё на ушко – может ведь всё и обойдётся? Да. Так она и делает. И будь что будет. Алиса схватила сумочку, надела ботинки и выбежала на лестницу, схватив пальто. Уже на улице, поймав кожей лица лучики солнца, Алиса подумала, что она всё-таки глупая. Ну как Ярослав может следить за ней при свете дня?

Таня была удивлена. Она привыкла, что, во-первых, сама навещает Алису, ведь той не по душе «уютная семейная атмосфера». Но уж если Алиса и доезжает когда-то до Тани, то для этого должен быть серьезный повод и предварительная договоренность. А тут прямо сюрприз-сюрприз! Не случилось ли чего страшного? Заболел кто-то? Возможно, сама Алиса?

– Алиска, с ума сойти! Ты в порядке?

– И да, и нет.

– Это как?

– Я здорова, если ты об этом. Но у меня кое-что случилось. И я должна тебе об этом рассказать. Только лично тебе. Ни единая живая душа больше знать не должна.

– О, Господи! Да что такого могло случиться?

– Мы можем где-то запереться и пошептаться?

– Ну, хорошо. Я сейчас уложу Савву, и мы пошепчемся.

Ты меня заинтриговала...

Видимо, Алиса заинтриговала Таню очень сильно. Потому, что сына она умудрилась уложить за семь минут. Алиса эти семь минут вспотела, наверное, раз десять. Она так и не понимала, правильно ли поступает, решив доверить ТАКОЕ подруге. Но ведь и жить с этим самой больше нет никаких сил...

– Ну? Говори быстро? – Таня залетела в комнату с горящими глазами.

– Сядь!

– Да что такое! Ну, села.

– Сядь поближе!

– Ну, вот, села. Алиса! Мне страшно уже.

– И мне. – шепнула Алиса, облизывая шершавым языком пересохшие губы. – Поэтому я начну с главного. То, что ты услышишь, ты поклянешься никогда никому не говорить. Клянешься?

– Алис, ты же меня знаешь, я...

– Клянешься?! – страшным шёпотом спросила Алиса.

– Да. Да, клянусь.

– Ты должна мне поверить. Но тебе будет непросто. Значит так, неделю назад...

Время близилось к закату. Таня давно позвонила маме и попросила забрать Савку. Достала из бара очередную бутылку вина. Кажется, третью. На их счастье, муж Тани, Алексей был в командировке. И они даже могли, наверное, не шеп-

таться. Но каждый раз, стоило Татьяне чуть прибавить громкости в голосе, Алиса шипела на неё, тараща безумные глаза.

– Тс-с-с-с. Тише. Да пойми ты, дура. Я за тебя боюсь!

– Так не рассказывала бы! Теперь что? И мне бояться надо?

– Да не знаю я! Надеюсь, нет. Я сделала всё аккуратно. Ну, мало ли о чём мы тут с тобой говорим? Встретились подружки...

– Слушай, которую бутылку вина открываем, а я все не могу поверить. Ну, не могу! Поверила бы, если бы своими глазами увидела.

– Нет уж. Тебе это точно не нужно. Он убийца. Он и тебя бы убил. И меня бы.

– Но ты оказалась хитрее...

– Как ни странно, да. Я, собственно, теперь на ней и сижу.

– На чем?

– На святой воде! Просто меньше пью. Не по пять литров.

– Нет, ну вот как можно в такое поверить! Сама-то подумай.

– Да и не верь. И вообще забудь. Мне нужно было поделиться – я поделилась.

– Ну, то есть ты... прямо влюбилась что ли?

– Ага-а-а. – всхлипнула Алиса. – Не могу забыть. Тоскую ужасно. Хоть в петлю.

– Кошмар! Приворот какой-то...

– Ну, они же не люди. Твари какие-то мистические. Может

и приворот. Но мне очень, очень плохо, Тань! Вся душа у меня по нему изболелась.

– Душа ли?

– Тьфу. Перестань.

– А чего перестань. Мужик тебя качественно трахнул, вот ты и поплыла. А любовь тут каким боком?

Спасибо тебе за поддержку, Танечка! – Алиса обиделась, и начала одеваться. Таня сидела молча. У неё не находилось причины задерживать подругу. Ей самой требовалась поддержка. После таких рассказов. Вот только Таня не могла её получить, потому, что обещала молчать. Да уж. Знал бы прикуп... разве она согласилась бы молчать, зная она заранее, о чем речь? Или вообще слушать вот это всё... согласилась бы? Ужас. Ужас и мрак. И бред. Вампиров не существует!

Алиса подошла к двери. Обулась. Топнула ногой. Таня застыла с бокалом вина в руке в своей спальне на кресле.

– Да закройся ты за мной! Что ты сидишь, как засватанная?

– Вампиров не существует. – прошептала Таня, подходя к двери.

– Ну и прекрасно. – бросила Алиса и выбежала из квартиры, пока снова не расплакалась.

По пути к дому стояла машина Сергея. Напротив маленького итальянского рестораника. Наверняка привёл свою девицу ужинать! Козёл. Хотя... Какое ей теперь до него дело?

Алиса брела мимо окон ресторана и вспоминала, что Серёжа в своё время казался ей очень сексуальным. Чувственным. В постели с женихом она ощущала всё только очень прекрасное. Не секс, а бомба, думала Алиса когда-то. А сейчас? А если проверить? Не секс, конечно. Этого ей еще не хватало. Но можно же проверить что-то из лайта. Поцеловаться, например. Он, конечно, решит, что она к нему равнодушна, но Алисе какое до этого дело? Она притормозила и заглянула в окошко. Точно подружку привел. Или, может она давно уже в статусе невесты, а то и жены. Алиса вытащила телефон, набрала номер Сергея. Через стекло было очень забавно наблюдать, как он засуетился. Что-то пробормотал. Вскочил из-за стола, уронив салфетку с колен. Что же ты так нервничаешь, дурачок? Наконец в трубке послышался его напряженный голос.

– Але!

– Судя по тому, что я вижу, ты не стер мой номер. Смешно. Можешь выйти на улицу? На минутку?

– А... а ты где?

– Я просто стою на улице около ресторана. На минуту буквально выйди. Я не задержу тебя.

– Да-да. Хорошо. Сейчас. – Сергей подбежал к своей блонде и начал что-то суетливо объяснять, размахивая руками. Интересно, что? Он выскочил на улицу, не надев пальто.

– Серьезно? Тут же холодно.

– Ты сказала – на минуту.

– Так и есть. Только давай зайдем за угол.

– К тебе во двор?

– Да не во двор! Просто за угол. Мне нужно кое-что проверить.

– Ну... хорошо.

Трезвая она может быть и не решилась бы... но вино, которое вроде бы и не брало полдня, сейчас сыграло свою роль. Она прижала Сергея к стене, и поцеловала. Ожидала почувствовать хотя бы что-то! Ну, хоть каплю страсти. Хотя бы просто ощущение приятности. Нет. Ни чего! Правда, она так и думала. Проклятая надежда заставила её проверять. Заставила ожидать чего-то другого. Сергей, видимо, ощутил нечто иное, потому что потянулся целовать её снова. Ну, нет. Это было выше её сил!

– Стой! Стой, Сергей, я тебе говорю! Всё! Хватит. – Алиса отстранилась и замотала головой.

– Да, Серёжа, стой, где стоишь. Теперь я тебя поцелую. – раздался глухой голос из темноты, и прежде чем кто-то опомнился, Ярослав уже прижимал бывшего Алисиного жениха к стене и пил кровь из его сонной артерии.

– Что ты делаешь? Перестань. – бормотала Алиса, ломая руки. Сил на серьезное сопротивление у неё не было. Кричать было нельзя, это она понимала точно.

– А что я делаю? Я развлекаюсь. Ты развлеклась с ним, теперь моя очередь.

– Ярик! У него в телефоне последний звонок от меня! По-

жалуйста, остановись!

– Остановился. – Ярослав отбросил еле живого паря, и как ни в чем не бывало вытирал рот своим белоснежным платком. – Хочешь такой жизни? Вечной? Хочешь? Что ты отворачиваешься? Смотри. Это будет твоя жизнь: вскрывать артерии бедным, ни в чём не повинным людям.

– Ну, я бы не сказала, что он ни в чём не повинен... – с сомнением вымолвила Алиса. А Ярослав захохотал, как сумасшедший.

– Ладно. Сейчас я ему вскрыю горло ножом, чтобы скрыть следы, а ты пока вызывай скорую.

– Но он же истечет кровью!

– Не истечет. Зажмём, пока не приедут. Я же не глубоко. Просто для маскировки. Что ты застыла?

– Дай мне его телефон... я вызову с него.

– Ишь ты! Я в тебе не ошибся. – Ярик ловко вытащил сотовый и бросил Алисе.

Скорая успела забрать Сергея живым. Это оставляло надежду. Проклятая надежда. Она лезет во все щели. Она хочет поселиться в твоём доме, в твоей жизни, в твоей душе... Алиса из-за тёмного угла дома, как вор, подглядывала, как скорая увозит Сергея. Надежда вкрадчиво шептала в ухо, что он выживет. Хоть бы выжил. Она очнулась от того, что Ярослав тянул её за рукав.

– Что? – Алиса посмотрела на него. В темноте было не разглядеть, что у него на лице. Что в его мертвых глазах?

Зачем он пришел?

– Спрашиваю: идем или нет?

– Куда?

– К тебе! Ты что? Не слушаешь меня?

– Идём. – вздохнула Алиса. Взяв Ярика под руку, она повела его к себе в квартиру. Снова. Воистину, бабы – дуры.

– Встань с меня!

– М-м-м-м... нет!

– Пожалуйста! Ты тяжелый.

– Потому, что мертвый. Мёртвые тяжелые. – Ярик внимательно понюхал её шею. – Подозреваю, ты на святой водичке?

– Подозревай. И встань с меня! Ты мне всё отдал... ну, правда, Яр!

– Ого! Так меня еще никто не додумался называть. Ладно, ладно. – Он переместился с неё на диван молниеносно и незаметно.

«Как он быстро двигается... это что-то невозможное» – подумала Алиса, а вслух сказала:

– Почему ты всё время подчеркиваешь недостатки твоего существования? Заладил: мёртвый, мёртвый. А скорость? Сила?

– Клыки...

– Клыки. Тьфу! Что ты опять начинаешь?

Ярослав засмеялся. Когда он смеялся, это получалось

звонко и заразительно. Голос Ярика был глухим, как из погребца или склепа. А смех – вполне себе человеческим. И вообще... у неё и живых таких не было. Таких страстных, нежных, ласковых. В сексе он был, как ураган. А после был нежен, как спокойный прилив. Ярик гладил её своими прохладными руками по коже, и она будто погружалась в осеннее море. Гладил по лицу, шее, плечам, животу, бёдрам. И в Алисе снова просыпалось желание. Не резко, как по будильнику. А медленно, словно в окно заглянуло солнце. Господи, что у неё в голове...

– Может перестанешь пить святую воду?

– Не могу.

– Почему?

– Ты убьёшь меня.

– Я же обещал!

– Ярослав... ты уверен в себе? Что точно не убьёшь?

Ярик уткнулся носом в плечо Алисы, простонал и замотал головой.

– Вот и я об этом. Ты мне лучше расскажи, как превращаются в вампиров?

– Зачем? Я сказал, что не стану тебя обращать.

– Нет, погоди. Ну, что значит – не стану? Может, когда-нибудь надумаешь.

– Угу. Лет через сорок. Когда для тебя это утратит свою актуальность.

– Да перестань меня наглаживать! Я отвлекаюсь. – Алиса

решительно отодвинулась. – То, что не обратишься, если тебя просто укусили – это я уже поняла.

– Алиса, я уйду сейчас!

– Ты не успеешь до рассвета! – Ярик глянул в окно, и тяжело вздохнул. А Алисе стало приятно, что с ней он забыл о времени. Переполненная гордостью, она встала и плотно закрыла шторы. – Значит, с укусом мы разобрались. Тогда – что? Человек должен выпить крови вампира?

– Ты ведь не отстанешь, да?

– Не-а.

– А ты не боишься, что я сверну тебе шею? Мне уже хочется.

– Я очень боюсь. Но есть надежда. Я ненавижу это слово, но сейчас она у меня есть.

– Надежда на что? И почему ты ненавидишь это слово?

– Ненавижу... ненавижу потому, что нет никакой надежды. Человек смертен. Иногда неожиданно и ужасно. Иногда несправедливо и некрасиво. Был человек, а через мгновение, взорвалось что-то... или упал самолет... и вот, человека уже нет. А есть мелкие остатки его плоти и одежды. Смерть отнимает надежду. Всегда. Надежда может жить с человеком хоть девяносто лет, а после она всё равно сохнет. Вместе с ним.

– Я понял-понял. Всё, не продолжай. У тебя гипертрофированное отношение к смерти. Все боятся. Но чтобы так... а что за надежда у тебя сейчас?

– Что тебе также хорошо со мной, как и мне с тобой. И ты не свернешь мне шею.

– Да уж. Хитрая ты. Ложись рядом. Не ходи тут голая.

– Начинается. Я дома у себя. – проворчала Алиса, но под одеяло спряталась. – Ну, расскажи. Нужно выпить твоей крови для обращения?

– Сказки какие-то. Скорее всего, если человек выпьет крови – неважно чьей – его вырвет.

– А что тогда! Ну, расскажи... ну мяу, мяу, мяу!

– О, нет! Только не это. Не люблю кошек. Ладно. В общем, есть ритуал. Магический. С заклинанием на латыни. Кровь человека через порез смешивается с кровью вампира, производится заклинание и начинается перерождение. Вот и всё.

– Болезненное?

– Слушай, чего ты там начиталась? Ничего особо страшного. Больно, когда первый раз вылезают клыки. Детям тоже больно, когда растут зубы. Если я правильно помню. В общем, когда полностью завершаются внешние изменения – сердце останавливается. Человек умирает. Остается вампир. – Ярик потянулся. – А кровь есть? В пакете?

– Побойся Бога! Ты чуть не выпил всего бедного Сергея.

– Вообще-то, я нагулял аппетит. Ну, есть кровь?

– Есть, есть. Сейчас принесу. – Алиса притащила пакет с донорской кровью. – Попробуй, не испортилась?

– Да что с ней будет, в холодильнике? – Ярик высосал единым духом полпакета. – Хорошо... может поспим?

– Да, погоди ты! Не договорили еще.

– О, Господи... да что ещё-то?

– А что ты имеешь в виду, когда говоришь – внешние изменения? Клыки?

– Да. И кожу.

– А что с кожей?

– Слушай, я что по-твоему? Учёный-вампириолог?

– Ну, что-о-о-о?

– Твоя шея в опасности, детка! – Алиса молитвенно сложила руки. – Ладно. Объясню, как я понимаю. Меняется клеточный состав кожи. Из-за чего она не может воспринимать солнечный свет. Вообще. У всего этого есть сверхъестественная история, но я не вникал.

– А что происходит на солнце?

– Кожа сгорает. Когда ожоги распространяются на семьдесят пять процентов – вампир перестает существовать. Но его тело сгорает до конца. Превращается в кучку золы.

– А...

– Спи пожалуйста, что ж такое!

– Да я хотела спросить: ты телефон выключил?

– Я его и не включал. – Ярик прижал к себе Алису. Она бы хотела вырваться. Но понимала, что уже не вырвется из лап этого животного. Если только он не отпустит её сам. Хоть бы не отпускал...

Женя набрала номер мужа ещё раз. Сквозь защитное стек-

ло под потолком показались лучи солнца. Где он? Почему выключен его телефон? Почему она должна бояться и переживать? Почему она вообще должна чувствовать такую боль, как жалкий человек? Что это такое? Все вампирские семьи живут без этих мерзких людских привычек! Неужели она ТАК ошиблась, когда выбрала себе его в спутники жизни? Ходить налево... это уму непостижимо. Как будто они гадкие людишки. А если она неправа? Вдруг случилось что-то плохое? Женя не знала, какой бы вариант она предпочла. И это было ужасно...

– Женя, где отец?

Надо же, она и не заметила, как появилась Оксана. Не стоит так расслабляться.

– Наверное, он уже не придёт. Ложись спать.

– Попозже. Я подожду папу.

– Оксана. Посмотри в окно.

Оксана подошла к матери, подняла глаза. Постояла рядом. Ей было очень жалко Женю, но Ярика она любила больше. Он был её создателем.

– Женя... мама, у нас всё в порядке? Что происходит?

– Ой. Как будто первый раз! Вспомни, сколько раз он не ночевал дома.

– Я помню. Бывало. Раз в десять лет. А сегодня, кажется, второй раз за месяц. Просто, если есть что сказать – говори.

– Давай мы сначала сами разберемся, хорошо?

– Нет. Нет, Женя, нехорошо! Это касается всей семьи. Это

мой отец. Я люблю его. И не хочу остаться без него. Мало ли, до чего вы тут доразбираетесь. Я должна знать!

– А вдруг с ним что-то случилось? – жалобно спросила Женя.

– Даже не начинай. С ним ничего не может произойти. Он лучший!

– Да кобель он бессовестный, вот и всё!

– Мамочка, о чём ты? Мы единственные вампиры в городе...

– А кто говорит о вампирах?

– Ты имеешь в виду... – Оксана онемела от ужаса. – Ты имеешь в виду, что он спит... с едой?!

– Подозреваю, что да. Когда он пришел прошлый раз – от него так и несло человеком.

– Фу!

– А я о чём! Он сказал мне, что убил... но сейчас я подозреваю, что она жива, и он... он у неё.

– Какой кошмар!

– Вот! Твой любимый папочка, Оксана.

– Я не верю. Не верю, не может быть! Нет! – Оксана исчезла из гостиной. Зачем она это сделала? Зря, наверное. Впутывать детей совсем не годится...

Женя так и не легла. До вечера она промаялась. Столько мыслей разом не посещало её давно. Жизнь вампира проста и понятна: охота, еда, развлечения, любовь. Бытовые и материальные проблемы, а уж тем более, рабочие, отсутству-

ют в этом прекрасном существовании. Деньги всегда можно добыть с помощью ограбления. Притом с такой скоростью, что нигде даже не появится информация, что банк такой-то был ограблен ночью. Что можно написать о таком? Налетели инопланетяне, украли часть денег для исследований. Камеры не успевают зафиксировать, полиция не успевает приехать. Главное, не есть охранника. Просто вырубить. Ну, или если в самом крайнем случае, нужна еда – забрать с собой. Всё было так просто и ясно. Ну, да. Ярослав часто упрекал её там, где должен был быть благодарен. Иногда оступался, но она всё прощала. Любила. Однако, такого вопиющего поведения не было никогда. За все семьдесят пять лет. Второй раз не спать дома, в их постели, за такое короткое время... тут надо взвесить все за и против. Готова ли она мириться с таким поведением. Стоит ли её любовь к нему такого унижения. И что делать, если она решит не в пользу Ярослава? Отпустить с Богом? Или убить? В результате всех этих метаний, Женя к закату была такой злой, что готова была вырезать полгорода. И Ярослава, который мог заявиться, как стемнеет, она не была готова видеть. Поэтому, не дожидаясь, пока проснутся дети, она выскользнула из дома и отправилась на охоту, едва только скрылось солнце.

Ярослав не спешил уходить. Алиса сходила в душ, принесла ему крови в постель, и села пить кофе, добавив у него на глазах в чашку святой воды на пару сантиметров. Ярослав

застонал, и откинулся на подушку.

– Вкусно? Холодный кофе пить?

– Безопасно зато.

– Мне обидно, что ты не доверяешь мне.

– А мне с утра на работу. Ты домой-то пойдешь?

– Обязательно. Попозже. Иди ко мне.

– Нет.

– Что-о-о?

– Нет. Я итак еле отлипла от тебя. И вообще, мне нужно сходить кое-куда.

– Куда это?

– Сергея проведать.

– Даже не надейся. Ревновать я не стану.

– Да больно надо. Я о сочувствии говорю. Об участии.

Помнишь, что это?

– Помню ли я? Я помню, как отступали наши войска. Как меня ранило в грудь осколком. Как я не мог шевелиться. И как меня оставили там подыхать.

– Подумали, что ты погиб?

– Наверное. Мне от этого не легче. Я бы и погиб. Если бы...

– Тебя спасла Женя?

– Да. – Ярик вскочил и начал одеваться. – Сходи, проведай. И правда.

– Ярик, почему ты не позвонил мне? Ты же взял мой номер.

– Что? – рассеянно спросил Ярослав.

– Почему ты не позвонил? Почему сразу приехал?

– Я приехал спонтанно. Не собирался. Я захлопну дверь.

Миг, и он исчез. Словно ветер промчался по квартире.

Стало пусто. Пусто в кровати, в комнате. Пусто в душе. В груди образовалась брешь. Как это возможно, ТАК влюбиться после двух ночей? П-ф-ф. Срочно в больницу. Там Сергей, если не умер от потери крови, так от страха уж точно схлопотал инфаркт. Надо его как-то успокоить.

Её бывший жених, до которого Алисе теперь не было никакого дела, лежал бледный у окна. Даже обида на него куда-то испарилась. Не было ровным счетом ничего. Какая всё-таки интересная штука жизнь, как в ней загадочным образом что-то масштабное потом может превратиться в ничто. В пустое место.

– Ты как? – спросила Алиса, входя. Вечером посещения были запрещены, но её пропустили в больницу по знакомству. Борисыч позвонил и договорился.

– Не знаю. Странно как-то. – голос был слабым. – Что случилось?

– На нас напал грабитель.

– Кто?

– Я не знаю точно. Психопат какой-то. Он порезал тебе горло. Ножом. – с силой уточнила Алиса.

– С тобой всё порядке?

– Да, да. Не волнуйся. Меня он просто отшвырнул. – Алиса поправила простыню на кровати, присела на краешек. – А где твоя девушка?

– Была. Ушла. Она не про больницы.

– Ясно. А про что она? Про салоны красоты?

– Ну... примерно.

– Сережа, я могу что-то для тебя сделать? Я медсестра.

Помнишь?

– Помню. Как я могу не помнить? Мы из-за этого разошлись.

– По-моему, просто ты ушел от меня. Мы не расходились.

– Утку вынесешь?

– Ты опять всё перепутал. – засмеялась Алиса. – Медсестры не выносят утки. Да, вынесу, конечно! Не надо так на меня смотреть.

Алиса мыла судно, и думала: помнит хоть что-то, или нет? И, если даже помнит? Кто ему поверит? Кто воспримет всерьёз рассказ о том, что кто-то укусил его в шею? Она тщательно вымыла и вытерла руки. Вошла в палату, продолжая размышлять о том, помнит ли Сергей о том, что его кусали. Вопрос застал её врасплох:

– Зачем ты поцеловала меня, Алиса?

– Что?

– Ты слышала. Зачем ты это сделала?

– Сережа... у тебя жар? Этот маньяк, наверное, занес тебе инфекцию. Давай я схожу за градусником.

– Стой. – голос Сергея окреп. Он с усилием поднялся на кровати. – Не нужно этого всего.

– Чего, Серёжа?

– Градусников... и прочей муры. До того, как что-то произошло со мной... не знаю, что. Ты поцеловала меня. Я помню это точно!

Алиса схватила сумочку и вылетела из палаты.

– И не забуду этого. – пробормотал Сергей, и упал в подушки без сил.

Ярик долго сидел в баре. С одной стороны, он вяло следил за тем, чтобы не пропустить время до рассвета, в которое он успеет вернуться домой. С другой стороны, на него навалилась такая апатия. Кажется, ему вообще на всё наплевать. Кажется, он вляпался во что-то странное, нездоровое. Да, ему нравилось играть с этой женщиной. Это же была игра? Определённо. Просто игра. Игра взрослого, сытого кота с маленькой мышкой. Да не ври ты хоть сам себе! И кот вечно голодный, и чувства какие-то появились. Не может быть. Не должно быть. А появились. И Ярослав чувствовал, что снова пойдёт к Алисе. И это повергало его в ужас и тоску, как и мысли о предстоящей встрече с женой. Чёрт! Сиди, не сиди, а домой надо. И поговорить с Женей надо. Откровенно. По душам. Ну, заигрался он. Он мужчина. Бывает. Может быть, уехать? Точно! Уехать из Москвы. Мало прекрасных мест на земле? Он предложит, а она не откажется. Ярик был уверен

в своей жене. На расстоянии он и думать забудет о какой-то там Алисе.

Ярослав вошел в пустую гостиную. Выдохнул. За дверью растекался рассвет. Значит, все дома. Он едва успел зайти. Легли спать? Никто не хочет его ни о чем спросить? А вдруг с ним что-то случилось? Ярик налил себе пива в бокал. Дуррацкая вампирская сущность: захочешь напиться – и хрен напьешься. Может быть, пиво после водки сделает своё дело?

– Ну, и где ты был?

Он чуть не уронил бокал. Оксана оттолкнулась ногами от стены и проехала на кресле полкомнаты, ловко притормозив напротив отца. Ярик поймал своё пиво, и отряхивался от попавших на рукав нескольких капель.

– Папа, ты слышишь меня вообще?

– Слышу, дорогая.

– Ну, так ответь мне. Где ты был две ночи?

– Вторую ночь я был в баре.

– Я чувствую. От тебя жутко воняет.

– Я хочу напиться.

– Господи. Только не говори, что ты влюбился.

Ярослав молча пил своё пиво, разглядывая картину на стене.

– Ярослав! Эта картина висит тут очень давно. Посмотри на меня и ответь: ты влюбился?

– Нет, дочь. – он подчеркнул интонацией обращение «дочь». Ему не хотелось, чтобы она звала его по имени. Не хотелось, чтобы она ненавидела его. – Я не влюбился.

– Самое ужасное, – прошептала Оксана еле слышно, – что ты лжёшь сейчас. И говоришь это не для меня, а для мамы. Которая слышит нас из комнаты. Боже мой.

Оксана подошла к столу, аккуратно оторвала лист бумаги, взяла ручку и написала: «влюбился?». Ярик пожал плечами. Губы Оксаны дрожали. В глазах стояли слёзы. Оксана написала: «она человек?» и с ужасом ждала ответа. Господи, сколько бы отдал Ярик, чтобы не разочаровывать свою любимую дочь. Всё бы отдал. Жизнь бы отдал. Это его создание, его творение, его дитя. Созданное его кровью. Он не мог ей врать! Тяжелой головой Ярослав качнул еле заметно. Оксана скомкала бумагу и швырнула в него. Ну, что же. Заслужил. Он попытался поймать Оксану, пролетающую мимо него на предельной скорости, но не успел ухватить за руку. Услышал только злой шёпот: «не трогай меня!». И его любимая девочка исчезла.

Оксану в коридоре поймала Женя.

– Что случилось?

– Я не буду об этом говорить. Разбирайтесь сами. – вырвалась и убежала к себе.

Легко сказать, говорите. А если не хочется говорить. Да ей видеть его не хочется, не то, что говорить. И как с ним жить теперь? Ведь все понятно: живой, здоровый. Значит, пришёл

от бабы. От бабы, чей запах она чувствовала через закрытые двери. Чей запах она не забыла ещё с прошлой недели. Женя ушла в спальню и закрыла дверь. Пусть спит, где хочет. И она не потратит больше не минуты на мысли о нём. Он того не стоит. А как быть – это Женя решит вечером. Он и так отнял у неё слишком много времени и нервов. Она вампир, она не безвольный человек. Она решит, что не любит его – и не будет любить. Да, и она отомстит. Непременно отомстит за свои страдания. ТАК она это не оставит. С этими благими мыслями Женя и уснула.

Ярослав пил всю ночь. Он боялся встречи с женой. Да и звук закрывающегося замка сказал ему, что нечего делать в спальне. Ему там не рады. Выпив всё пиво, Ярик плюнул на свою бесполезную затею: напиться, и перешел на кровь. Негде спать, так хоть поесть. Ложиться в гостиную он опасался: вдруг Женя со злости проткнет его колом. Ничего, поспит ночью. От этого еще никто не умирал. Жена вышла в гостиную вечером, и кровожадно усмехнулась. Да и пусть усмехается. Он сильнее её. Это она создала его, да, но он мужчина.

– Чего не спим? Боимся?

– Кто тебя знает? Ткнёшь колом. С тебя станется. – криво усмехнулся Ярослав.

Женя подошла и заглянула ему в глаза. Он выдержал взгляд. Напрягся внутренне, готовый к схватке.

– Расслабься, дорогой. Я не убью тебя. Ты мне нужен. Ты

– моя семья.

– Это твоё решение?

– Не совсем. – она помолчала. – Я убью её. Я убью эту шлюху. Я выпью всё её кровь. Я буду пить её медленно, чтобы она почувствовала каждый мой глоток. Чтобы она осознала, как с каждым моим глотком вытекает её жалкая ничтожная жизнь из тела. Уходит. Испаряется. Исчезает навсегда.

Ярослав очнулся в комнате за железной дверью. В домашней тюрьме, где иногда держали свежую кровь в натуральном виде. Очень редко. В качестве запаса. Вместе с носителем, так сказать. Что именно с ним случилось, Ярославу вспоминалось с огромным трудом. Кажется, Женя злилась и говорила, что убьёт его. А потом вышла Оксана... подошла и обняла его. Точно! Дальше провал. Болела шея. Ярослав размял шею, вправил позвонки. Оксана, его Оксана сломала ему шею?! Но почему он жив? Если Женя сказала, что убьёт. И тут воспоминание полоснуло картинкой по глазам. Она собиралась убить не его! Женя сказала, что убьёт Алису. Ярослав вскочил и подлетел к двери, но тут же отскочил обратно, как ужаленный. Боярышник! Они защитили от него дверь боярышником. Он чувствовал его запах из-за двери, а на руке затягивался шипящий ожог. Потрясающе просто! Его семья стала его врагами. Ломают ему шею, обманом, а не в честной схватке. Закрывают его в клетку. Навешивают

на дверь амулет. Как вообще повесили, непонятно? Видимо, просили кого-то из людей. Ярослав обшарил карманы. Телефона не было. Отлично! Время не посмотришь. В этой камере он даже не видит, день на улице, или ночь. Хотя... можно посчитать логически. Если ему просто сломали шею, а никаких других недомоганий он не ощущал, значит прошло около часа с заката. Скорее всего, его они заперли, а сами отправились на охоту. Несмотря на то, что в доме имелись запасы крови, всех так и тянуло выйти на улицы города, и проявить свой звериный инстинкт во всей красе. Хищники, ничего не поделать. Не это злило Ярослава. Он сам любил охоту. Ярик ругался на свою семью за то, что они не были избирательны. Хватали всех подряд, как деревенщина. Сам-то он искал кого-то поумнее и повкуснее. Гурман, мать вашу. Вот и сиди тут теперь, жди, невесть чего. Хоть бы крови пакет кинули ради приличия. Правда, понятно, почему они этого не сделали. Им выгодно, чтобы он ослаб. Видимо решают, что делать с ним. Алису-то они вряд ли достанут. Какой бы отменный нюх не был у Жени, она не учует в многомиллионном городе подружку своего неверного мужа. Ярослав усмехнулся, но тут же застыл в ужасе. Телефон! Она забрала телефон, чтобы найти Алису. Женя умная женщина, живущая почти триста лет. Боже, какой он осёл! Спокойно записал её номер под её же именем. Ему и в голову не могло как-то шифроваться, в их семье принято было доверять. И уж конечно они не нарушали личное пространство друг дру-

га. Не лезли в телефоны другого. Вот он и расслабился. А не надо было. Именно он первый нарушил доверие. Женя всего-то поступает адекватно его поведению. Страх смешался со злостью, непонятно на Женю, или на себя самого. Закипел внутри. Под влиянием этого кипящего чувства Ярослав сорвал с себя куртку, обмотал руки и выбил дверь. Даже через ткань он ужасно обжегся, и прислонил ладони к холодной стене, чтобы немного унять боль. Алиса должна быть в больнице на смене. Но если у них есть телефон, они найдут её быстро. За спиной Ярослава раздался шорох.

Алиса пятый раз перечитывала странное смс от Ярослава. «Ты где? Срочно надо встретиться. Ярослав». Почему странное? Потому, что за этими буквами она не чувствовала того, кого обнимала сутки назад. Но с другой стороны... а вдруг с ним что-то случилось? И он может связаться только по смс. Однако внутренний голос просто вопил ей о том, что не надо писать, где она. Что вообще не надо отвечать. Нужно просто подождать, что будет дальше. Из палаты выглянул расстроенный Борисыч.

– Алис, ну где ты там? Вколи ему дионина. А то у него уже морфий вместо крови. А так и поспит, и обезболит заодно.

– Бегу, Владимир Борисович! Извините, задумалась.

– Дома подумаешь. Тут у нас, как на войне. Думать некогда, надо стрелять. В твоём случае оружие – шприцы и капельницы. И вообще, о чём думать молодой красивой девуш-

ке?

– Да ни о чём!

– И то правда. Бегом, Алиса, бегом.

Дальше было и правда некогда думать. Ночь ожидалась беспокойная. Фролов, к которому она зашла с уколом дионина, мог до утра не дотянуть. Как ей было жаль погружать его в сон. Но, может быть, ему так лучше? Сознание пациента всё равно затуманено наркотиками. А боль прорывается. Даже в таком состоянии он чувствовал, что боль есть. Алиса не знала, как ему тяжело, но представляла. Болезнь разгрызает изнутри его последние живые клетки, пытаюсь успеть захватить как можно больше. Уколы глушат ощущения, но до конца не убирают. А главное, не меняют ничего. Вроде как притупилась боль, а на рак морфий не действует. Не замедляет, не замораживает. Вот и лежит человек с затуманенным мучением в глазах. Вроде что-то и сделали, а не до конца. И прорывается боль через морфий, пытаюсь напомнить о себе. Мол, как ты меня не обкалывай, а я тут. Я жива. Живее тебя. И я твой самый страшный кошмар до последнего вздоха. Алиса подошла со шприцем к Фролову, заглянула в эти несчастные глаза, и прошептала:

– Хотите укольчик, чтобы уснуть?

Фролов улыбнулся жалкой улыбкой. Как же его зовут? Она взглянула на температурный лист с непрерывной нелинейной функцией из цифр, прочла «Фролов Виталий». Перевела взгляд на лицо, ожидая ответа. Фролов закрыл и от-

крыл глаза.

– Это «да»?

Виталий снова ответил глазами, и Алиса аккуратно ввела лекарство в подключичный катетер. Сейчас пациент уснёт, и его боль отступит ещё на несколько сантиметров. Причина боли не отступит, нет. Но симптом уснет вместе с Фроловым. Ненадолго. Но, очень хотелось бы, чтобы до конца. Ибо нет ничего ужаснее, когда человек ТАК мучается. Когда уходит он не во сне, не в неведении и спокойствии, а в страшных болях.

Алисе хотелось посидеть с Фроловым до утра. Просто просидеть всю ночь в этой палате. А вдруг в ней что-то поменялось? Вдруг, став любовницей вампира, она получила какой-то дар. И теперь увидит ту, которая приходит, и забирает себе пациентов. Или у неё просто развилась мания величия от секса с вампиром? Алиса ещё раз перечитала смс от Ярика. Подумала, и всё-таки написала ответ: «Я на работе, ты же знаешь. Можем встретиться завтра».

Женя с Оксаной сидели на лавочке около автобусной остановки. Оксана ждала звонка с информацией. На Москву надвигалась зима, девушки были легко одеты. Прохожие, кутавшиеся в воротники и шарфы, странно посматривали на них. Но Оксане и Жене не было до прохожих никакого дела. Разве что...

– Может, перекусим пока? – спросила Оксана.

– Ты чего? Жрать сюда пришла? Нам надо найти ЭТУ. Видишь, она не отвечает. Может быть, они договорились, что связь только звонками. Не в смс.

– Жень, что ты придумываешь? Сейчас смсятся все, кому не лень. Двадцать первый век. Ну, смотри, какие они вкусненькие тут все хо-о-о-дят, ну давай поеди-и-и-и-м.

– Прекрати немедленно, Оксана. Набери еще раз своему другу.

– Он помнит, не волнуйся. Ему слишком дорога шкура.

– Он что? Знает? – ужаснулась Женя.

– Блин, да у тебя склероз что ли уже? Это же Вадик! Ну, я встречалась с ним. И с Андрюшей. Ну, как встречалась. Кино. Кафе. Ночные прогулки. Я хотела свою семью. И выбрала Андрея. У нас ещё с Вадиком там был инцидент один... ну, неважно.

– А тебе не кажется, что ты выбрала не того парня. – поморщилась Женя.

– Мама, ну ты чего? Тогда бы у нас сейчас не было полезного Вадика! И, кстати, за девять лет он стал еще полезнее.

– Ну, да... у всех есть полезные связи. У тебя, у Ярика. Одна я никогда не гналась ни за чем таким. Получается, что мне в случае чего и позвонить некому...

Телефон Оксаны зазвонил. Она сказала «тс-с-с», схватила трубку, поугукала. Отключилась и с улыбкой повернулась к матери:

– Ну, вот. Этот телефон сейчас пробивается в онкоцентре

на улице N.

У Жени в кармане запищало смс. Она посмотрела на дисплей, показала Оксане. Та кивнула. Всё сошлось. Девица пишет, что на работе. И Вадик дал информацию про больницу. Девица работает в больнице. Чудесно!

– Ну, что же. Пусть поработает еще часик. Поехали. – Женья встала со скамейки. Оксана довольно потерла руки. Девушки перестали смущать проходящих мимо лавочки своим легким одеянием и направились в сторону метро.

Ярик обернулся и увидел Андрея с колом в руке. Он даже застонал от отчаяния. Значит ушли не все. Руки восстанавливались после ожога, но всё еще болели.

– Зря ты это вот всё, Ярослав. – Андрей обвел глазами коридор с выбитой дверью.

Девять лет Ярослав мучился вопросом, почему Оксана выбрала себе в спутники это недоразумение! Человеком он был никаким. И вампиром стал не особо хорошим. Да, все прилагающиеся бонусы он получил: силу, скорость, вечность. Но внутри как был лохом, так и остался. Видимо, это не исправить даже вампиризмом. В семье Андрея не воспринимали всерьез, но принимали, потому, что так уж выбрала Оксана. Как принимали... мирились. Ничего не поделать. Своим он так и не стал. Видимо, сейчас он решил использовать шанс, чтобы проявить себя. Наивный. У него не хватит духу. Эх, не простит его Оксанка. Вечно жизнь ставит перед

выбором. Ярослав понял, кого выберет он между Андреем и Алисой.

– Может быть, ты просто отойдёшь?

– У меня другие указания.

– А ты своей головой жить не пробовал? Реши, чего хочешь ты.

– Я хочу, чтобы семья была довольна.

– Семья, семья... да ты никто в этой семье. Не был никем.

Не станешь никогда.

– Так и ты теперь никто. – злобно усмехнулся Андрей.

– Возможно. – кивнул Ярик. – Думаешь, они простят тебя, если ты убьёшь меня?

Кожа на руках наконец-то затянулась. Не зря он его забалтывал. Ярослав сжал и разжал кулаки, проверяя функциональность рук. Всё было в порядке. Лишь лёгкое пощипывание напоминало об ожоге.

– Они сказали, если ты умудришься выбраться, значит тебя нужно убить. Ты умудрился. Не повезло тебе.

– Я так не думаю. – хмыкнул Ярослав. Ему хватило секунды, чтобы оказаться за спиной у Андрея, вырвать у него кол, заломить руки и проткнуть сердце. Ну, вот и всё. Он только что потерял свою дочь. Она никогда не простит ему смерть Андрея. Как печально. Всё-таки, семьдесят пять лет, и девять – это огромная разница. Понятно, что Андрей этого не учёл. И что она в нём нашла?

– Смирнова! – крикнула на весь коридор старшая сестра. – Где тебя носит?

Алиса вздрогнула. Посмотрела на пациента. Он с трудом, но ещё дышал.

– Я вернусь. – пообещала Алиса. – Ты дождись меня только.

Старшая снарядила её в главный корпус, на склад, который работал круглосуточно. Сказала, закончились катетеры. Странная просьба, учитывая, что до утра вряд ли кому-то понадобится сменить подключичку. Хотя, может быть Лариса Николаевна и права, такие вещи должны быть всегда. Беда в том, что в главный корпус переход шёл лабиринтом по подвалу. Днём там было достаточнолюдно, но к десяти вечера уже совсем пусто. Алисе ужасно не хотелось идти по этому переходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.